

N

ГОДЪ
ПЕРВЫЙ

10

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЬ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРѢ

О К Т Я Б Р Ъ

Пров. 50

1908
СПБ

А. Н. Плещеевъ въ фортъ Перовскомъ

(по неизданнымъ письмамъ).

Замѣшанный по дѣлу Петрашевскаго, вмѣстѣ съ другими, въ томъ числѣ и съ Ѳ. М. Достоевскимъ, къ смертной казни былъ приговоренъ и Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. По конфирмаціи онъ былъ помилованъ и сосланъ на военную службу въ рядовые 25-го декабря 1849 года въ Уральскъ. Въ 1852 году отсюда онъ былъ переведенъ рядовымъ же въ Оренбургъ въ 3-й линейный баталіонъ, которымъ командовалъ маіоръ Сущковъ. На первыхъ порахъ жизнь его въ новомъ мѣстѣ ссылки была прямо ужасна ¹⁾.

Его никуда не выпускали изъ казармъ, мучили постоянными ученіями, назначали на самыя грубыя работы, слѣдили за каждымъ шагомъ, за каждымъ письмомъ. Въ концѣ этого года въ Оренбургъ пріѣхала его мать, бывшая фрейлина Высочайшаго двора. Ея ходатайство и заступничество, посѣщеніе тогдашняго Оренбургскаго генераль-губернатора Василя Алексѣевича Перовскаго возымѣли надлежащее дѣйствіе и режимъ для ея сына значительно ослабъ. Плещеевъ съ этихъ поръ начинаетъ бывать въ обществѣ, появляется въ домѣ у самого Перовскаго, заводитъ знакомство съ нѣкоторыми видными по своему служебному положенію лицами; онъ пріобрѣтаетъ даже извѣстное значеніе и вѣсь въ кружкѣ младшихъ офицеровъ и „конфирмованныхъ“. Правда, Алексѣй Николаевичъ въ этотъ періодъ времени, несмотря на свои 27 лѣтъ, мало съ кѣмъ сходился. Его не особенно привлекало и само оренбургское общество, и тяготило положеніе „конфирмованнаго“, „рядового изъ ссыльныхъ“. Ближе всего онъ сошелся съ тремя домами,—съ семействами доктора Павлова, который въ началѣ 1854 года уѣхалъ въ Орель, Еккельна ²⁾ и Дандевилъ.

Подполковникъ генеральнаго штаба Викторъ Дезидерьевичъ Дандевилъ, годомъ моложе Плещеева, занималъ въ то время должность офицера по особымъ порученіямъ при штабѣ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса и

1) См. Юдинъ. „Плещеевъ въ ссылкѣ“. Истор. Вѣстникъ 1879 г., май.

2) Еккельнъ занималъ должность, кажется, чуть не начальника штаба корпуса.

вскорѣ послѣ Акъ-Мечетскаго похода завѣдовалъ „степными дѣлами“, т. е. всѣмъ тѣмъ, что касалось линіи укрѣпленій, выдвинутыхъ по Сырь-Дарѣ, и туземнаго населенія.

Викторъ Дезидерьевичъ, извѣстный впослѣдствіи дѣятель кампаніи 1877—78 годовъ, скончавшійся въ 1907 году въ чинѣ генераль-отъ-инфантеріи, былъ человѣкъ для своего времени, — а въ особенности для Оренбургскаго общества, — образованный, развитой, широкихъ интересовъ, отличался гостепримствомъ и любезностью. Но главной чертой его характера являлась высокая честность и суровая прямота, благодаря которой онъ наживалъ себѣ много враговъ. Его жена, извѣстная красавица, Любовь Захаровна Балкъ, — тоже была выше оренбургскаго уровня. Въ ихъ домѣ собиралось лучшее оренбургское общество. Къ этому-то кружку примкнулъ Алексѣй Николаевичъ. Вскорѣ между ссыльнымъ и молодымъ подполковникомъ завязались дружескія отношенія и, когда первый изъ нихъ переведенъ былъ на службу въ фортъ Перовскій, то между ними возникла и поддерживалась довольно дѣятельная переписка, обнимающая собой 1854—56 годы. Письма Плещеева къ Дандевиль положены въ основу настоящей статьи.

Въ этихъ письмахъ Плещеевъ открывалъ свою душу, повѣрялъ свои планы и обращался за заступничествомъ. Пожалуй, Плещеевъ просилъ гораздо чаще за другихъ, чѣмъ за себя, потому что окружавшіе его весьма нерѣдко прибѣгали къ протекціи Плещеева, зная о его близкихъ отношеніяхъ къ „*особѣ со степнымъ въсомъ*“, какъ шутивно называетъ авторъ писемъ въ одномъ изъ нихъ своего корреспондента. Письма Плещеева пестрятъ подобными фразами: „Вы одни принимаете во мнѣ участие, — отъ другихъ ничего я не ждалъ и не жду и просить никого не намѣренъ. Нужно имѣть много увѣренности въ человѣкѣ, много любви и уваженія къ нему, чтобы просить о себѣ“. Или: „Такой-то *убѣдительно проситъ васъ*, какъ человѣка, на благородство и правдивость котораго онъ рассчитываетъ вполне, — хотя и незнакомъ съ вами, — защитить его...“ Или: „Противъ всѣхъ неправдъ міра сего, считаю васъ единственной надежной защитой. Съ тѣхъ поръ, какъ знаю васъ, ни минуты не усумнился я въ добротѣ вашей и готовности отстоять праваго, помочь нуждающемуся въ помощи. Когда В. А. (Перовскій) будетъ предупрежденъ вами, — онъ иначе взглянетъ на это дѣло“.

Дандевиль по своей близости къ генераль-губернатору, который его очень любилъ и довѣрялъ, много могъ сдѣлать и хорошаго, и дурного для всѣхъ ссыльныхъ, загнанныхъ въ степь. Но онъ не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ; и въ письмахъ Плещеева мы читаемъ рядъ благодарностей за исполненіе просьбъ.

А Плещеевъ просить походатайствовать и за „конфирмованных“, почему-либо не представленных къ наградамъ, и за офицера, къ которому несправедливо относится начальство, и за другого, — который находится въ отчаянномъ матеріальномъ положеніи, и за третьяго, — который хлопочетъ о переводѣ въ другое мѣсто службы, и, наконецъ, о цѣломъ обществѣ офицеровъ, у котораго вышелъ острый конфликтъ съ начальствомъ. И большинство этихъ просьбъ В. Д. Дандевиль исполняетъ.

I.

Отзывъ Плещеева объ Оренбургѣ. Оренбургское общество. Графъ В. А. Перовскій.

Переписка началась раньше отъѣзда Плещеева въ Перовскъ. Послѣ похода подъ Акъ-Мечеть, когда войска вернулись въ Оренбургъ въ сентябрѣ 1853 г., г.-ад. Перовскій уѣхалъ съ докладомъ объ экспедиціи въ Петербургъ. Его сопровождалъ и В. Д. Дандевиль. Вотъ этотъ отъѣздъ и послужилъ началомъ переписки. Къ этому періоду относится всего два письма Плещеева, оба изъ Оренбурга, первое отъ 22 декабря 1853 г., второе отъ 18 января 1854 г. Въ началѣ 1854 г. Дандевиль вмѣстѣ съ Перовскимъ вернулся изъ Петербурга, а въ маѣ Плещеевъ со „стешной“ отправился въ бывшее Кокандское укрѣпленіе Акъ-Мечеть, переименованное въ „фортъ Перовскій“. Первое письмо отъ 22 дек. является весьма характернымъ для всей переписки, и мы приводимъ его цѣликомъ.

„Добрѣйшій и многоуважаемый мною Викторъ Дезидерьевичъ! Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой. Расположеніе, которое вы мнѣ оказывали со времени нашего знакомства, даетъ мнѣ смѣлость надѣяться, что вы не откажете мнѣ. — Вотъ въ чемъ дѣло. — Вамъ извѣстно, конечно, что награды за экспедицію всѣ уже вышли и получены здѣсь болѣе двухъ недѣль. Я знаю положительно, что меня изъ общаго списка представленій выключили, но, что Вас. Алек. (гр. Перовскій) приказалъ написать обо мнѣ отдѣльный докладъ, взявъ въ то же время съ собой всѣ бумаги, относящіяся къ моему дѣлу. При томъ же передъ выступленіемъ изъ Акъ-Мечети онъ самъ сказалъ мнѣ, что постарается для меня что-нибудь сдѣлать въ бытность свою въ Петербургѣ. Вслѣдствіе всего этого, — я ждалъ и надѣялся. Но вотъ — пришли награды; вотъ и Николинъ день пришелъ, — мнѣ все ничего нѣтъ. Это заставляетъ меня думать, что Василю Алексѣевичу отказано Государемъ. Забывать В. А. не имѣетъ привычки ни о комъ.

Вы, конечно, знаете, — представлялъ ли онъ обо мнѣ или нѣтъ. И въ этомъ-то именно состоитъ моя просьба, чтобы вы увѣдомили меня, — какъ

было дѣло. Ничего нѣтъ хуже неизвѣстности. Если бы я узналъ *наверное*, что мнѣ за этотъ походъ надѣяться нечего, то, по крайней мѣрѣ, я сталъ бы выискивать какія-нибудь другія средства, чтобы выйти изъ своего положенія, которое, признаюсь, все болѣе и болѣе становится тягостнымъ. Грустно, Викторъ Деизеревичъ, быть связаннымъ по рукамъ и по ногамъ въ своихъ дѣйствіяхъ и прятаться отъ порядочныхъ людей, какъ заклеенному за уголовное преступленіе. Къ тому же и домашнія обстоятельство сильно плохи, такъ что съ какой стороны не погляди,—темно безъ просвѣта! — Просясь въ походъ, я имѣлъ въ виду получить за него унтеръ-офицерство, если только Богъ вынесетъ невредимымъ, и потомъ на слѣдующій годъ снова идти въ степь. Если не будетъ экспедиція,—думалъ я,—можетъ быть, какія-нибудь стычки будутъ и все-таки есть больше шансовъ отличиться, чѣмъ выказывая въ Оренбургѣ гибкость и грацію своего поска. Но какъ видно *cos scent des projets en l'air*.—Теперь у меня другіе планы въ головѣ. Но мнѣ нужно сперва положительно знать,—отказано ли въ моемъ производствѣ. Ради Бога, Викторъ Деизеревичъ, разузнайте это и увѣдомите немедленно. Думаю, что вамъ не представитъ особеннаго затрудненія. Добрая Любовь Захаровна можетъ при случаѣ спросить въ разговорѣ нашего «*bourru bienfaisant*»,—что Плещеевъ? Попросите ее отъ меня, если вамъ самимъ будетъ неудобно справиться. Получивъ положительныя свѣдѣнія, я постараюсь воспользоваться пребываніемъ Вас. Ал. въ Петербургѣ для осуществленія своихъ новыхъ проектовъ. Не удалось одно,—можетъ удастся другое, не столь важное.—Лучше что-нибудь,—чѣмъ ничего ровно. Странно также мнѣ кажется то, что, кромѣ меня, еще восьми человѣкамъ изъ подтвержденныхъ ничего не вышло и такимъ, которые были вездѣ въ опасности и которыхъ подтвержденія слабѣ прочихъ. Назову одного—Бржозовскаго. Онъ не просился въ походъ. Вас. Алек. самому угодно было его вызвать изъ Уральска, гдѣ онъ служилъ въ 1-мъ бат., и послать въ степь. Онъ былъ на штурмѣ (его всѣ видѣли; онъ вмѣстѣ съ Вернеромъ вынесъ изъ огня убитаго Бѣликовича), былъ на работахъ и вдругъ ему нѣтъ ничего, такъ какъ произведены такіе, которые ни въ чемъ не участвовали, но которые, конечно, тоже заслуживаютъ награды потому, что совершили трудный походъ и много вытерпѣли... Не знаете ли вы, какъ все это случилось. Мы рѣшительно не можемъ этого себѣ истолковать. Но довольно объ этомъ...

Мегсі за поклонъ вашъ въ письмѣ къ Зальскому 1). Онъ надѣлъ эполеты. Но не знаю отчего, мнѣ все кажется, что это онъ на святки наря-

---

1) Одинъ изъ подтвержденныхъ.

дился въ офицерскій костюмъ. Не созданы мы съ нимъ ни для какого воинскаго одѣянія! И видъ у насъ совсѣмъ не того...

Новости оренбургскія, вѣроятно, вамъ сообщаются кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ вашихъ, оставшихся здѣсь, и потому я не стану вамъ о нихъ разглагольствовать слишкомъ много. Да и мало интереснаго. Въ послѣднее время маленькую сенсацію произвела только исторія трехъ зубочистокъ въ видѣ золотыхъ сабель, посланныхъ Жемчужниковымъ Курбатову, Даксергофу и Житкову ¹⁾.

Первый принялъ подарокъ, какъ добрый малый и cousin Жемчужникова, не обидѣвшись. Даксергофъ оскорбился, но ни на Жемчужникова, а на Гарановича, которому, какъ ему сказали, принадлежитъ первая мысль этихъ подарковъ, который просилъ Жемчужникова передать ихъ. Возоль не знаю, какъ пріянялъ, — онъ въ Уфѣ. Онъ былъ военно-пріемщикомъ, какъ вы знаете, и, говорятъ, выжилъ французской прононсіаціи не только все рекрутское присутствіе, но даже и подрядчиковъ, поставившихъ полушубки для рекрутовъ. Путоловъ, говорятъ, теперь произноситъ удивительно хорошо и внятно слово:—войзонъ! Вообще же здѣсь все по старому, только однимъ генераломъ стало больше, — Шиловъ, какъ вы знаете, произведенъ. Плотниковъ попрежнему ничѣмъ не обижается; Антоновъ попрежнему всеѣмъ обижается. Много новыхъ лицъ появилось, но я ни съ кѣмъ не знакомъ. Вообще эту зиму я бываю только иногда у *Ежельна*; больше рѣшительно негдѣ. Нѣтъ охоты заводить новыя знакомства, а старыя разбились. Да какъ-то грустно, Викторъ Деизидерьевичъ, положеніе мое не идетъ у меня изъ головы. Лучше сидѣть дома, чѣмъ идти къ людямъ съ кислой фізіономіей.—Вотъ здѣсь славный человекъ, котораго и вы знаете, *Бутаковъ*. Съ нимъ я бы желалъ быть короче, да онъ женился; а супругу его не имѣю чести знать и какъ-то боюсь знакомиться: говорятъ, *замѣчательная* женщина. Путешествовала, занималась разными предметами, вызывающими на размышленія, акварельные портреты пишетъ, — словомъ—страшно! Пожалуй, еще и Талейрановскія выраженія цитируетъ! А мы съ вами, кажется, недолюбливаемъ талейрановскихъ цитатъ, по крайней мѣрѣ, въ женскихъ устахъ. Помните, — одну даму-талейранистку?

Но прощайте же, наконецъ, дорогой мой Викторъ Деизидерьевичъ. Поздравляю и васъ и Любовь Захаровну съ новымъ годомъ. Пошли вамъ

---

¹⁾ А. М. Жемчужниковъ, Курбатовъ, Даксергофъ и Житковъ, прозванныхъ „bonjour“ за привычку постоянно французить, занимали во время похода на Актъ-Мечеть нестроевыя должности, кажется, по провіантской части. Преподнесеніе имъ „золотого оружія“, — боевая награда, — шутка весьма злая.

Богъ обнимъ всего хорошаго. Поцѣлуйте за меня у Любови Захаровны ручку покрѣиче и попросите, чтобы она не забывала меня. Что касается до меня, то я сохраню навсегда самое свѣтлое и отрадное воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ съ вами прошлою зимою.

Повторятся ли опять эти дни?—Богъ вѣсть! Будьте здоровы, веселы и возвращайтесь скорѣе. Вашъ душой и сердцемъ А. Плещеевъ. Отвѣтъ напишите на имя маменьки или черезъ Еккельна“.

Приписка указываетъ, что надъ письмомъ Плещеева былъ учрежденъ назоръ; намеки на это мы встрѣтимъ и дальше. Нельзя не отмѣтить того, что Плещеевъ *просился* въ Акъ-Мечетскую экспедицію, а вовсе не былъ туда назначенъ по желанію Перовскаго, точно такъ же и въ Акъ-Мечеть онъ поѣхалъ по личной просьбѣ и гораздо позднѣе—въ 1854 году, и вовсе не былъ тамъ оставленъ тотчасъ послѣ экспедиціи, какъ увѣряютъ біографы поэта. Плещеевъ хотѣлъ какъ можно скорѣе выслужиться и вырваться изъ окружающей его обстановки.

„Общество“ стояло настолько ниже его по развитію, привычкамъ, взглядамъ и интересамъ, что относиться къ нему иначе, какъ съ презрительной насмѣшкой, Плещеевъ не могъ. Весь Оренбургскій beau-monde, къ которому примкнулъ Ал. Ник. въ концѣ 1852, и въ общемъ, и въ отдѣльных личностяхъ во все время переписки подвергается имъ самому жестокому осмѣянію. Слѣдуетъ добавить, что корреспондентъ его В. Д. Дандевиль въ кругу военныхъ былъ извѣстенъ какъ весьма остроумный и недурной—въ смыслѣ техники—карикатуристъ. Послѣ его смерти сохранилась громадная тетрадь такихъ каррикатуръ и въ ней значительное мѣсто отведено оренбургскому обществу. Всѣ рисунки сдѣланы тогда же, въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ переписка являлась какъ бы иллюстраціей къ рисункамъ. И тамъ, и тутъ въ особенности достается пѣвкой М. В. Гр., которую Плещеевъ именуешь въ своихъ письмахъ „базарная генеральша“, „ямшудика магна“ и т. д. Про нее тогда уже ходило громадное количество всякихъ анекдотовъ, разсказовъ и т. п. По своему образу жизни, по своимъ курьезамъ это была „притча во языцахъ“. Надо удивляться, почему ее Плещеевъ не вывелъ въ своемъ романѣ „Пашинцевъ“, напечатанномъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1859 г. и произведшемъ въ Оренбургѣ громадную сенсацію. Тамъ многіе узнали свои изображенія. Надо все-таки отмѣтить, что въ романѣ оренбуржцы очерчены гораздо слабѣе, чѣмъ въ интимной частной перепискѣ поэта со своимъ другомъ, въ перепискѣ, гдѣ Плещеевъ, конечно, не стѣснялся и говорилъ все, что лежало на душѣ, будучи вполне увѣренъ въ скромности своего корреспондента. Вотъ еще отрывокъ изъ письма (9 ноября 1854 г.), относящійся къ оренбургскому обществу.

„Я не скажу, что-бъ я чувствовалъ большую симпатію къ богоспасаемому граду, въ которомъ вы живете; но все-таки меня очень интересуетъ все совершающееся въ немъ. Можетъ быть, это потому извѣстному закону, что въ воспоминаніи все дурное блѣднѣетъ, сглаживается и только одно хорошее выступаетъ изъ-за тумана прошлаго или, говоря словами Пушкина:

„Что пройдетъ,—то будетъ мило“.

Я увѣренъ, что если бы Оренбургъ былъ обреченъ подобно библейскому городу провалиться за грѣхи свои, то Господь пощадилъ бы его для нѣсколькихъ праведниковъ, которые тамъ найдутся... А ужъ гдѣ есть хоть одинъ праведникъ, о томъ мѣстѣ всегда отрадно вспомнить.

Въ то время, когда я получилъ ваше письмо, я читалъ „Гюлливерово путешествіе“ знаменитаго мизантропа Джонатана Свифта и плавалъ въ морѣ удовольствія. Что это за славаая вещь! Ее обыкновенно даютъ дѣтямъ, какъ басни Крылова, какъ Донъ-Кихота; не знаю, какой умный человѣкъ выдумалъ это дѣлать. Нѣтъ глубже, нѣтъ ужаснѣе сатиры на человѣческую природу, какъ эти сочиненія трехъ геніевъ различныхъ націй. Мораль ихъ недоступна дѣтскому уму и, если-бъ молодое, неиспорченное, чистое сердце проникнуло въ сущность того, что писалъ Свифтъ, напримѣръ, какое тяжелое впечатлѣніе осталось бы въ этомъ сердце. Довѣріе, ясный, примирительный взглядъ на жизнь, свойственной молодости, идеалы, которые она носить въ груди своей,—все бы это, если не поггло въ зародышѣ, то, по крайней мѣрѣ, помрачилось бы значительной дозой скептицизма... Помните ли вы, Викторъ Деизеръевичъ, этихъ лилипутовъ, этихъ великановъ, этихъ лошадей,—весь этотъ фантастическій и въ то же время истинный до наготы міръ?

Помните ли вы этого героя, который такъ великъ у лилипутовъ и такой нравственный лилипутъ у великановъ! Вотъ книга, написанная, по выраженію Гоголя, сквозь видимый міру смѣхъ и невидимыя слезы...

Но простите мнѣ, что я говорю о томъ, что вовсе не идетъ къ дѣлу. Дѣло-то въ томъ, что я,—какъ уже сообщилъ,—получилъ ваше письмо въ то время, когда гулялъ воображеніемъ въ области лилипутовъ...

Вѣроятно, книга Свифта произвела на меня такое впечатлѣніе, что всѣ предметы мнѣ казались въ какомъ-то особенномъ колоритѣ... Читая ваше письмо, мнѣ думалось, что это все продолженіе лилипутовъ, что вы пишите мнѣ не изъ Оренбурга, а изъ столицы лилипутовъ, что Кузьминскій, Антиповъ, Вларамбергъ, *Stervosa impudica magna*, дама въ халатѣ Сужи-Века и м-ше Пахабина ¹⁾,—все это лилипуты. Какъ не старался я увѣ-

¹⁾ Та самая особа, которая выведена въ романѣ Пашинцева подъ именемъ Карачѣвой.

рять себя въ противномъ, какъ не старался отогнать отъ себя эту глупую мысль, какъ не ругалъ себя за то, что воображеніе (которое мнѣ вѣчно гадило) сдѣлало изъ такихъ почтенныхъ, умныхъ, а главное, значительныхъ лицъ - лилипутовъ! Странно даже, какое обаяніе производитъ литературное произведеніе! Это просто дьявольское навожденіе, въ родѣ магнетизма и танцующихъ столовъ! Даже и теперь, когда я пишу къ вамъ эти строки, мнѣ сдается, что Николай Кирилычъ, Даксъ и Мышкинъ ¹⁾—тѣ самые лилипуты, которые прыгали черезъ палочку, плясали на натянутой ниткѣ и тѣмъ стяжали себѣ весьма выгодныя и почетныя должности и даже самъ баронъ... ²⁾. Но слава Богу, въ эту минуту я встрѣтилъ батюшку; онъ благословилъ меня и благословеніе его изгнало изъ меня новую нечестивую мысль, новое нечестивое сравненіе, которое уже готово было перейти на бумагу, въ письмо къ В. Д. Дандевилю.

Довольно, довольно о лилипутахъ,—еще разъ простите!“

Въ письмахъ Плещеева мы находимъ не мало страницъ, посвященныхъ оренбургскому обществу, но приведеннаго нами письма совершенно достаточно для обрисовки оренбургскаго общества, но чтобы пополнить картину, слѣдуетъ указать и на то, что переносилъ отъ него Плещеевъ.

Письмо отъ 21 февраля 1856 г. начинается слѣдующими строками:

„Насилу-то я дождался отъ васъ письма, мой добрый Викторъ Деизидеревичъ. Признаюсь, я начиналъ уже думать, что вы измѣнились ко мнѣ, что, можетъ быть, мои частыя просьбы наскучили вамъ или *какой-нибудь благонамѣренный господинъ подслужился и наслетничалъ на меня*“.

Затѣмъ, еще раньше въ ф. Перовскомъ разыгралась исторія, которая прямо-таки вывела изъ себя Плещеева. О ней А. Н. пишетъ въ письмѣ отъ 21 сентября 1855 г.:

„Сегодня узналъ стороной и отъ очень вѣрнаго человѣка, что въ *арестантѣ*, составленномъ изъ Кутлера, Кирѣвскаго и Тутолмина ³⁾ было говорено обо мнѣ: „что весьма *подозрительно*, что я пишу къ вамъ такъ часто и такія длинныя письма (какъ они зваятъ, что длинныя?) и что должно быть я *доношу* вамъ о всемъ, происходящемъ здѣсь“. Что вы объ этомъ скажете, Викторъ Деизидеревичъ?

„Что касается меня, то признаюсь, что это меня сначала разстроило, но потомъ, когда я размыслилъ хорошенько, то увидѣлъ, что глупо было

1) Лица, приближенные къ генераль-губернатору.

2) Полковникъ, потомъ генераль-маіоръ баронъ Фитингофъ, начальникъ Сыръ-Дарьинской укрѣпленной линіи, о немъ рѣчь впереди.

3) Кутлеръ состоялъ при генералѣ Біарно; Тутолминъ—военный врачъ въ фортѣ Перовскомъ.

бы дорожить мнѣніемъ такихъ господъ, которые здѣсь даже сдѣлались общимъ посмѣяніемъ и никѣмъ нетерпимы (кроме Кирѣвскаго, который держитъ себя какъ порядочный человѣкъ, и который, кажется, въ приведенномъ мной разговорѣ былъ слушателемъ). Когда пріѣду въ Оренбургъ, то при удобномъ случаѣ выскажу Кутлеру нѣкоторыя рѣзкія истины. Теперь рано и могу себя этимъ нагадить. Писать къ вамъ вслѣдствіе ихъ сужденія я все-таки не перестану. *Доносить* вамъ о томъ, что такой-то и такой-то нуждается въ вашей помощи и просить о вашемъ содѣйствіи тоже буду постоянно, потому что вы мнѣ дали разрѣшеніе на это, и не разъ уже по моимъ просьбамъ дѣлали добро людямъ, находящимся въ степи. И пусть ихъ называютъ это какъ имъ угодно. Я буду имѣть также полное право назвать *какъ мнѣ угодно*, всѣмъ и каждому, тѣ благородные поступки ихъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ! А все-таки скучно на этомъ сѣромъ свѣтѣ, Викторъ Деидерьевичъ“.

Остановимся еще на отзывѣхъ Плещеева о мѣстномъ Юпитерѣ, который долженъ былъ имѣть громадное вліяніе на судьбу Ал. Ник., объ оренбургскомъ генераль-губернаторѣ Василинъ Алексѣевичѣ Черовскомъ, получившемъ графское достоинство за взятіе Акъ Мечети.

Письмо же отъ 1-го марта 1855 г. Ал. Ник. начинается слѣдующей фразой:

„Добрѣйшій Викторъ Деидерьевичъ! Съ нынѣшней почтой узналъ я черезъ Сливинскаго, что *я не представленъ*, и что графъ сдѣлалъ отмѣтку такого рода противъ моего имени: его еще рано представлять“. Плещеевъ былъ уже 6-й годъ въ ссылкѣ.

Въ письмѣ отъ 24 мая 1855 г., говоря о томъ, что его мать собирается подать прошеніе на Высочайшее имя о помилованіи и только ждетъ его мнѣнія, Плещеевъ далѣе пишетъ: „чтобы какъ-нибудь не навлечь на меня неудовольствія В. А., который, говорятъ, не любитъ, когда просятъ мимо него“. И въ томъ же письмѣ далѣе: — „Милости В. А. не всегда простираются на тѣхъ, которыя наиболѣе въ нихъ нуждаются“.

Въ письмѣ отъ 10 октября по поводу одной изъ многочисленныхъ просьбъ, сказано: — „Просить графа онъ не рѣшается. Да и дѣйствительно, В. А. можетъ разсердиться. Но если бы кто изъ близкихъ къ нему похотѣлъ заступиться, — дѣло могло бы устроиться“.

Въ письмѣ отъ 21 апрѣля 1856 г. находимъ: — „Говорятъ, что В. А. ѣдетъ въ Петербургъ на коронацію. Это хорошо: онъ можетъ много добраго сдѣлать своимъ присутствіемъ при дворѣ для Оренбургскаго края“.

Наиболѣе интересный эпизодъ, относящійся къ Черовскому, находимъ въ письмѣ отъ 11 мая 1855 г.

„Я уже писалъ вамъ, что баронъ представилъ многихъ изъ насъ.

Дадутъ ли хоть теперь этимъ представленіямъ ходъ? Маменька писала мнѣ изъ Петербурга и спрашивала совѣта, что дѣлать. До полученія еще манифеста я совѣтовала подать ей прошеніе на Высочайшее имя. Думаю, что это путь самый вѣрный и лучшій. Но теперь, если безъ этого можно обойтись, то и хорошо. Подобныя *de'marches* нужно оставлять на самыя крайніе случаи.

Въ спискѣ представленныхъ барономъ находятся почти все унтер-офицеры изъ конфирмованныхъ, служащіе здѣсь. Нѣтъ только одного, о которомъ я хотѣла попросить васъ, хоть онъ и пишетъ самъ нынче къ В. А. Его не помѣстили въ этотъ списокъ не потому, чтобы онъ не заслуживалъ этого, но потому, что герольдія не утвердила правъ его, и ему нужно служить 12 лѣтъ. Не знаю, что скажетъ на его письмо В. А. Поддержите, если можно, Викторъ Деизидерьевичъ! Это добрый, простой, усердный малый, котораго положеніе очень не завидно. Фамилія его Урбановичъ. Это тотъ самый, о которомъ мать писала: *mon aimable fils element*. Помните, прошлаго или третьяго года Вас. Ал. всемъ для потѣхи читалъ ей письмо и „кажется, для потѣхи произвелъ его въ у.-о.“ Чтобы ей еще написать такое письмо! *Le rire est souvent bien faisant*. И комическое воспоминаніе объ этомъ письмѣ могло бы сдѣлать болѣе всякихъ просьбъ. *Mon aimable fils*—теперь пошелъ преслѣдовать коканцевъ, которые что-то часто появляются въ нашихъ предѣлахъ. (Пошла четвертая рота и казаки подъ личнымъ предводительствомъ барона). Вы можете изъ этого видѣть, что онъ ищетъ случая отличиться. Не знаю, какъ онъ писалъ, бѣдный, къ В. А., но я ему совѣтовала написать по примѣру матери *Illustre general*. Шутки въ сторону... Вы не сердитесь на меня, что я вамъ пишу о всѣхъ и о каждомъ. Меня просятъ—и я дѣлаю, предупреждая всѣхъ, что за успѣхъ не могу ручаться. Мое убѣжденіе такое, если представляется случай сдѣлать добро—нужно всегда попытаться. Если не удастся—не моя вина. Моя совѣсть спокойна. Я понимаю, что Вы очень заняты, что вамъ нельзя помнить и просить о всѣхъ... Если вы изъ десяти моихъ просьбъ исполните двѣ, то и тогда я буду доволенъ, что черезъ мое посредничество сдѣлались хоть два добрыхъ дѣла. Вы, можетъ быть, скажете, что я навязчивъ, что я наскучаю... Согласенъ. Одно *circonstance attenuante* буду я имѣть въ запасѣ, что я прошу о другихъ, не о себѣ. Это все-таки не такъ совѣстно“.

Для офѣнки отзывовъ Плещеева о Перовскомъ нужно принять во вниманіе два обстоятельство. Съ одной стороны, какъ не быть близокъ Плещееву съ Данцевилемъ, все же онъ, должно быть, стѣснялся вполнѣ откровенно высказывать свои мнѣнія о начальникѣ послѣдняго, у котораго тотъ къ тому же пользовался особымъ довѣріемъ и расположеніемъ. Конечно, А. Н. не боялся въ данномъ случаѣ, что его мнѣніе, высказанное по дружбѣ,

будетъ передано Перовскому, а просто считалъ полную откровенность неудобной, не деликатной. Съ другой же стороны надо отмѣтить, что всѣ приведенные факты, говорящіе не въ пользу Перовскаго, произошли съ „конфирмованными“, съ „политическими преступниками“, разжалованными въ солдаты. Во всей перепискѣ нѣтъ ни одного указація, чтобы Оренбургскій генераль-губернаторъ подобнымъ образомъ относился къ кому-либо изъ офицеровъ служащихъ.

Перовскій былъ прежде всего grand seigneur, олимпіецъ, немного капризный, немного взбалмошный. Онъ могъ быть рыцаремъ au bout des ongles, въ обращеніи съ дамами, добрый; великодушный и справедливый начальникъ относительно ближайшихъ подчиненныхъ, онъ не могъ спуститься до какихъ-то тамъ солдатъ, ссыльныхъ рядовыхъ. Для этого Перовскій былъ слишкомъ большой баринъ. Онъ могъ по собственному капризу принимать кого-нибудь изъ этихъ мелкихъ сошекъ, но одновременно могъ и забыть о данномъ обѣщаніи другому, хотя бы такая забывчивость тяжело отзывалась на существованіи этого другого. Стоило ли думать о такой мелочи! Прибавьте къ этому, что Перовскій являлся полнымъ, верховнымъ распорядителемъ надъ судьбами „конфирмованныхъ“, на котораго даже жаловаться некуда было.

II.

Плещеевъ въ форть Перовскомъ.—Внѣшнія условія жизни.—Начальство и сослуживцы.—Походы.—Кокандцы и прочія развлеченія.

Письма Плещеева изъ Акъ-Мечети за 1854—1856 гг. даютъ яркую картину жизни русской колоніи на границѣ нашихъ владѣній, лицомъ къ лицу съ кочующими и воюющими инородцами. Эта картина имѣетъ и общее историческое и бытовое, и специальное значеніе въ исторіи политической ссылки. Много разъ описывались различныя мѣста окраинъ и Сибири, бывавшія мѣстами ссылки, но Акъ-Мечеть—несомнѣнно, одно изъ своеобразнѣйшихъ ссылочныхъ мѣстъ.

Что же такое Акъ-Мечеть, переименованная въ ф. Перовскій и связанная съ ней укрѣпленная Сыръ-Дарьинская линія?

Она являлась замѣной бывшей Оренбургской укрѣпленной линіи. По мѣрѣ нашего движенія въ глубь Средней Азии мы переносили и линію укрѣпленій, выставляли отдѣльные форпосты, имѣя намѣреніе въ будущемъ сомкнуть ихъ съ линіей, идущей изъ Сибири. Это намѣреніе въ 60-хъ годахъ привело, какъ извѣстно, къ завосванію Туркестана, Ташкента и позднѣе—большой части Хивинскаго, Бухарскаго и всего Кокандскаго ханствъ.

Всѣ эти Казалы, ф. Перовскій, Раимъ, Кошъ и т. д. представляли изъ себя глинобойныя укрѣпленія, занятыя гарнизономъ въ 1—4 роты съ нѣсколькими орудіями и небольшими отрядами кавалеріи.

Въ военномъ отношеніи ф. Перовскій никуда не годился, а онъ былъ однимъ изъ самыхъ большихъ во всей линіи укрѣпленій. Правда, нашими противниками являлись разбойничьи шайки туркменъ, киргизъ, да нестройныя, плохо вооруженныя скопища кокандцевъ—противники, не страшные для любого регулярнаго войска. А какъ жилось въ этой бывшей кокандской крѣпости, объ этомъ узнаемъ изъ слѣдующаго огромнаго письма Плещеева.

„Вы очень интересуетесь знать про наше житье-бытье и хотите, чтобы я сообщилъ вамъ о всемъ, что здѣсь происходитъ. Но какъ однообразна эта жизнь,—если бъ вы знали! Здѣсь все, какъ по репету. Можетъ быть, вы желали бы узнать, какія здѣсь сходки, вечера, собранія? Если описать вамъ одинъ, то вы будете имѣть понятія обо всѣхъ; на всѣхъ—неизбѣжный ералашъ, неизбѣжная водка (которую мы называемъ *sanctus spiritus*), неизбѣжные разговоры о нашихъ мѣстныхъ интересахъ. Дамы на сборахъ не участвуютъ; онѣ больше *промежь себя*. Иногда вечеръ разнообразится небольшимъ бавчикомъ. Не пугайтесь!.. Страсти не слишкомъ здѣсь разыгрываются,—банкъ обыкновенно бываетъ отъ 10 до 20 цѣлковыхъ, не больше, а понтеры ставятъ стъ полтинника до пяточка серебра. Вы видите, въ какихъ миниатюрныхъ размѣрахъ производится эта страшная игра. Что до меня, то я предпочитаю всѣмъ играмъ палки ¹⁾ (солдатскій вкусъ,—сказалъ бы охотникъ до плохихъ каламбуровъ). Другого рода разнообразіе—пѣсни... Молодежь собирается въ кружокъ и запѣваетъ хоромъ русскія или малороссійскія пѣсни (по большей части *скоромнаго* содержанія), а иногда и сентиментальные романы, въ которыхъ обыкновенно отвергнутый любовникъ жалуется на жестокость какой-нибудь неземной дѣвы—и *тоска* неизбѣжно рифмуется съ гробовой доской. Въ скоромныхъ пѣсняхъ главное лицо Сашка Щербачевъ ²⁾. Это преживой мальчуганъ, большой охотникъ пошкольничать и въ шалостяхъ его всегда есть что-то ребячески граціозное. Сердце у него славное и способности пребойкія; баронъ, несмотря на всѣ старанія, кажется, не сдѣлаетъ изъ него *идеальнаго* адъютанта. А идеаль барона—это юноша, который, во-первыхъ, не курить (курить въ его присутствіи запрещено; я тоже былъ разъ въ опалѣ за то, что осмѣлился при баронѣ закурить трубку, находясь вечеромъ вмѣстѣ съ нимъ у майора); во-вторыхъ, держится прямо

¹⁾ Палка—особая азартная игра въ карты.

²⁾ Одинъ изъ пріятелей Плещеева, адъютантъ начальника укрѣпленной линіи.

и не позволяеть себѣ ни въ какомъ случаѣ облопотиться; въ третьихъ, за обѣдомъ беретъ съ блюдь какъ можно меньше и передъ обѣдомъ не пьетъ водки; наконецъ, — верхъ порядочности и идеальности — быть всегда герметически застегнутымъ и избѣгать какъ можно больше всякихъ товарищескихъ сходовъ. У барона вечера бываютъ рѣдко; на нихъ собираются только *la crème de la société*, — Осоловскій ¹⁾, майоръ Барыковъ ²⁾ и инженеръ Сильманъ (онъ попалъ въ сливки потому, что ученаго вѣдомства). На этихъ вечерахъ все обстоитъ необыкновенно *чижно* (присутствующіе употребляютъ другое слово). У барона на дняхъ была съ Барыковымъ исторійка, о которой писать не смѣю; вы ее узнаете отъ самого Барыкова. Онъ далъ славный урокъ барону, за который гарнизонъ скажетъ ему въ душѣ крѣпкое спасибо. Кстати, о Барыковѣ. Онъ премилый и обязательный человѣкъ. Держитъ себя прекрасно, просто, благородно, скромно, — словомъ, обладаетъ всѣми качествами, которыхъ не достасть его кузену — Кутлеру.

Этотъ господинъ имѣлъ страшныя, нелюбимыя претензіи, во-первыхъ, на ученость, во-вторыхъ, на донъ-жуанство. Ему какъ-то посчастливилось въ Оренбургѣ съ одной дамой, извѣстной своей необыкновенной снисходительностью, и онъ объ этомъ рассказываетъ *à qui veut l'entendre* съ неподражаемымъ фатаствомъ и, кажется, „вполнѣ убѣжденъ, что предъ нимъ Аполлонъ — морда!“ За то докторъ Любомудровъ ³⁾, который самъ тоже Донъ-Жуанъ не изъ послѣднихъ, вспоминая о немъ, всегда говоритъ: „молодецъ!“ Надо было послушать, какъ Кутлеръ рассказывалъ Харитонову и Соколову ⁴⁾ о своихъ артиллерейскихъ подвигахъ; тѣ люди смыслящіе кое-что и себѣ на умѣ, но никогда ему не возражали и оставляли его въ убѣжденіи, что онъ пустилъ имъ пыль въ глаза. Но потомъ разбирали его рассказы по ниточкѣ съ простымъ, здравымъ смысломъ, котораго у нихъ едва ли не больше, чѣмъ у него.

Изъ устъ баронскихъ выливаются часто изреченія, достойныя Конфуція, Магомета и другихъ великихъ мудрецовъ. Гарнизонъ хочетъ вырѣзать ихъ на мраморныхъ доскахъ золотомъ и повѣсить въ билліардной залѣ, когда таковая будетъ.

А кстати: на будущій годъ гарнизонъ выписываетъ почти всѣ русскія журналы и газеты, выписываетъ билліардъ, военную игру, шахматы, эспадроны... Это можетъ вамъ показать, что наклонности у гарнизона болѣе

1) Завѣдующій туземнымъ киргизскимъ населеніемъ.

2) Адъютантъ Перовскаго; видимо, временно былъ командированъ въ фортъ.

3) Мѣстный военный врачъ, котораго въ 1855 г. смѣнилъ Тутолминъ.

4) Офицеры артиллеристы въ Оренбургѣ.

благородныя и что не въ пьянствѣ, буйствѣ и ночномъ шатаніи ищутъ развлеченія отъ скуки...

Но извините, что я, вмѣсто того, чтобы описывать вамъ собственно бытъ нашъ, толкую о Фитингоффѣ. Какъ быть! — Онъ, подобно Людовику XIV-му, можетъ сказать:—*l'état c'est moi*, т. е. *личія*—это я. Всѣ интересы сосредоточиваются въ немъ; онъ заслоняетъ собой всѣ другія личности. Это—колоссъ, предъ которымъ всѣ шгмен. Въ настоящую минуту онъ уѣхалъ куда-то, говорятъ—въ Джулекъ, а недавно ѣздилъ инспектировать свои глиняные горшки—Кошъ и Кумышъ-Курганъ ¹⁾. Въ его отсутствіе все принимаетъ здѣсь веселый и довольный видъ, всѣ отдыхаютъ нравственно и физически. Вчера былъ у насъ баталіонный праздникъ ²⁾. Баталіонъ послѣ долгихъ лѣтъ былъ, наконецъ, въ полномъ сборѣ или почти въ полномъ. По утру происходилъ парадъ (со знаменемъ), на которомъ батюшка произнесъ приличную рѣчь, а потомъ пошли всѣ къ майору и наѣлись такъ, что, кажется, недѣлю ѣсть не захочется. День закончился картами у него же; а нынче пишу къ вамъ изъ караула, куда я хожу каждую недѣлю разъ за офицера, по недостатку сихъ послѣднихъ. Вы спрашиваете, — какъ переносили время недостатка въ провіантѣ?—Весьма спокойно. Офицеры не чувствовали этого недостатка, — у всѣхъ былъ запасъ выписанныхъ изъ Оренбурга принасовъ, а солдаты, хлебая теплую воду съ мясомъ, отшучивались и желали, чтобы кокашцы пришли поскорѣй, да принесли съ собой опять побольше провіанту. Тогда, говорятъ, халатовъ понавозли, а теперь крупы привезутъ. Духъ у здѣшняго баталіона чудный, Викторъ Деизидеріевичъ, и, право, напрасно говорятъ, что они раслуцены. Буйство ихъ состоитъ въ томъ, что они не дадутъ какому-нибудь прапорщику или даже пьяному капитану понапрасву надъ ними тѣшиться, т. е. бить и драть тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ кресты и нашивки... такъ вѣдь это и высшее начальство не дозволяетъ. А какіе у нихъ офицеры-то были въ прошломъ году! Вѣдь эти господа публично другъ друга по рожѣ хлестали, въ грязи пьяные валялись, воровали другъ у друга деньги; вѣдь это позоръ былъ! Какое же имѣть право требовать повиновенія и уваженія къ себѣ офицеръ, подающій самъ примѣръ всякой гадости. Слава Богу, этихъ офицеровъ теперь нѣтъ, и тѣ, которые ихъ замѣнили, люди съ чувствомъ достоинства и чести. Времена Эйсмодовъ, Смиряиновыхъ,

¹⁾ Джулекъ, Кошъ и Кумышъ-Курганъ—форты на Оренбургской линіи имѣвшіе глинобитныя стѣны.

²⁾ 8-го ноября день Архистратига Михаила.

³⁾ Обыкновенно лин. баталіоны разбивались на отдѣльныя роты для занятія мелкихъ фортовъ.

Дифляндовъ, Алексѣевыхъ прошли и авось-ли возвратятся. Теперь солдатъ уже не выкажетъ неуваженія къ своему офицеру.

И признаюсь вамъ, что я никакъ не могу согласиться, чтобы необходимо было стѣснять нашихъ солдатъ, сажать ихъ на гауптвахту за разстегнутый крючекъ, запрещать имъ носить шинель въ накидку сверхъ мундира, когда холодно и безпрестанно толковать имъ, что они мерзавцы, съ которыхъ нужно шкуру драть, что 4-ый баталіонъ—известные негодяи. Однакожь, эти негодяи умѣютъ умирать за своего царя, когда придетъ время; умѣютъ сносить нужду и лишенія безъ ропота, съ веселымъ лицомъ. Баронъ, какъ всѣ кавалеристы, не терпитъ пѣхоты,—это вовсе не доказываетъ, чтобы пѣхота была дѣйствительно дурна.

На зиму солдаты построили себѣ изъ дерну казармы и помѣщенія для всѣхъ офицеровъ. Сами возили дернъ на своихъ быкахъ, сами работали,—иногда по ночамъ, потому что днемъ заняты были крѣпостной работой. Теперь, когда пришло время смотровъ, несмотря на то, что ученья никогда не бывають, фрунтовая часть не уступаетъ здѣсь линіи.

Въ караулъ ходятъ черезъ два дня; смѣняются изъ караула.—идутъ на работу; пришли съ работы,—идутъ въ почные: тѣ ѣдутъ за лѣсомъ, тѣ идутъ плести маты, тѣ—косить сѣно;—однимъ словомъ—всѣ постоянно трудятся и не жалуются на свое житье; посмотрите, какія славныя построены конюшни, сколько накошено сѣна, и вы подвигитесь, когда все успѣли сдѣлать эти солдаты. А что сдѣлали казаки, это прославленное уральское войско?

Простительно, право, если въ праздникъ солдатъ выпьетъ лишнюю чарку водки и напумитъ, не сдѣлавъ никому вреда!..

Башкирцы ¹⁾ (тоже славные, неутомимые работники) построили себѣ,—какъ и солдаты,—бараки, но не достало лѣсу покрыть ихъ, и они живутъ пока въ двойныхъ кибиткахъ. Они, бѣдные, сильно хворають. Нѣсколько человекъ уже отправились на тотъ свѣтъ.

Хотите-ли, чтобы я описалъ вамъ Акъ-Мечетскій комфортъ?—Извольте. Лучшія квартиры здѣсь у начальника линіи, у начальника форта, у Осмоловскаго. Баронъ убралъ свою комнату со вкусомъ,—повѣсилъ гардины, портьеры, оклеилъ обоями.

У Скальмовскаго нѣтъ этого великолѣпія, но хорошая, большая комната,—выбѣленная и высокая. Осмоловскій самъ соорудилъ себѣ домикъ, состоящій изъ пріемной, гдѣ онъ принимаетъ киргизъ (которыхъ у него вѣчно—толпа) и небольшого кабинета, тоже оклеенаго обоями. У него даже цѣльныя стекла въ окнахъ. Потолокъ выложенъ матами и покрытъ

---

1) Тогда существовало особое „Башкирское“ войско.

ходстомъ. Вообще его квартира теплая, свѣтлая, уютная. Осмоловскій пользуется большимъ уваженіемъ у киргизъ и, кажется, вполне на своемъ мѣстѣ. Но онъ нѣсколько оскорбленъ, что за Кулесуатъ, гдѣ онъ самъ участвовалъ, и за послѣднее дѣло, онъ ничего не получилъ, и что даже В. А., кажется, на него сердится; тутъ много виноватъ Огаревъ, писавшій нелѣпныя донесенія, несогласныя съ донесеніями Осмоловскаго.—Я помѣщаюсь съ Сливинскимъ, Котурьенко и Моткевичемъ ¹⁾.

Мы тоже соорудили себѣ изъ сырцоваго кирпича нѣчто въ родѣ дома, немножко сырого, мрачнаго, съ землянымъ поломъ, но все-таки въ немъ лучше, чѣмъ въ кибиткѣ. У насъ три комнатки, и въ каждой по камину. Отъ множества трубъ на крышѣ наше жилище походить на сахарный заводъ. Сожители мои—люди прекрасные. Особенно Сливинскій—необыкновенно деликатная, добрая, благородная натура. Мы живемъ себѣ тихо, покойно. По вечерамъ, когда нигдѣ нѣтъ сборища, сижу себѣ и читаю. А, право, это большое наслажденіе сидѣть вечеромъ передъ ярко пылающимъ камелькомъ, куря сигару (хотя и отвратительную) и читая книгу или ведя тихій, задумчивый разговоръ съ двумя-тремя добрыми людьми. Вы не повѣрите, какъ я сочувствую этимъ стихамъ Лермонтова:

Люблю я больше годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
По утру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

Я все больше и больше ощущаю въ себѣ потребность семейной жизни,—все способнѣе и способнѣе чувствую себя къ ней. Ей-Богу, кажется, вырвавшись изъ моего настоящаго положенія, постараюсь поскорѣе жениться. Какъ вы посоветуете, Викторъ Децидериевичъ? Не начать ли пріискивать невѣсту? Похлопочите хоть вы для своего знакомаго. Завидно, что всѣ женятся...

Все, что вы мнѣ пишете о войнѣ,—какъ нельзя болѣе справедливо, и я съ вами вполне согласенъ. Я даже на эту тему когда-то написалъ вирши (онѣ находятся въ тетрадкѣ, оставленной мною у Л. З.), которыя называлъ „*Послѣ чтенія газетъ*“ ²⁾. Да! время войны—потерянное время для человѣчества,—по крайней мѣрѣ такой войны.

Грустно читать все это. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ газетъ, которыя привезутъ намъ извѣстія объ участи Крыма.

Что вы читаете, мой дорогой? Я въ послѣднее время многое перечелъ;

¹⁾ Офицеры 4-го баталіона.

²⁾ Это стихотвореніе подъ тѣмъ же заглавіемъ вошло въ полное собраніе сочиненій Плещеева.

сдѣлалъ значительные успѣхи въ языкѣ Шиллера, Гете и барона Фитингофа и научился языку польскому, на которомъ есть тоже вещи бивъ-якши ¹⁾ (Мицкевичъ—напримѣръ). Прочелъ ваши „Memoires de M-me Roland“, нѣсколько историческихъ сочиненій и романовъ. Кромѣ того читаю аккуратно русскіе журналы и рекомендую вамъ въ „Современникѣ“ повѣсть Тургенера—„Затишье“ и разсказъ Писемскаго—„Фанфаронъ“; очень умны; въ обѣихъ выведены на сцену лица чрезвычайно живыя, типическія.

Не пора ли мнѣ, однако же, кончить. Вѣдь васъ тоска одолѣетъ, читая такое письмо; оно еще длиннѣе перваго. Я, рѣшительно, посылаю къ вамъ не письма, а тетради.

Кончаю письмо мое просьбой. Надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня. Вы сами дали мнѣ позволеніе тревожить васъ,—такъ на себя и пеняйте“...

Нельзя не отмѣтить, сравнительно, бодрый тонъ цитированнаго письма. Плещеевъ, видимо, доволенъ, что вырвался изъ Оренбурга, и первые польгода, проведенные въ ф. Перовскомъ, чувствовалъ себя хорошо. И дѣйствительно, — служба была для него гораздо легче, офицеры-сослуживцы попались хорошіе, съ начальствомъ былъ въ самомъ лучшемъ отношеніи, — даже жить вмѣстѣ съ своимъ ротнымъ командиромъ, — да, наконецъ, и перемѣна обстановки, болѣе или менѣе здоровый климатъ, — все вмѣстѣ на первыхъ порахъ должно было благотворно дѣйствовать на душу поэта, но только лишь на первыхъ порахъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ письма его дѣлаются сумрачнѣе, желчныѣ, и отчаяніе, — острое, невыносимое, — все чаще и чаще звучитъ въ ихъ строкахъ.

Немудрено, что въ подобной обстановкѣ, вдали отъ какого бы то ни было другого поселка, среди необозримыхъ степей, жизнь должна была идти монотонно, скучно до невозможности. Плещеевъ ярко очерчиваетъ въ немногихъ строкахъ обычное времепрепровожденіе гарнизона. Изрѣдка однообразіе существованія скрашивалось пикниками, праздниками, охотами, да недалекими экспедиціями въ степь противъ кокандцевъ или разбойничьихъ шакъ. Каждую такую экспедицію Плещеевъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, принималъ въ ней участіе. Все это для него являлось случаемъ отличиться, заслужить „офицерскіе эполеты“, а съ ними „прощеніе вины“, что давало надежду на скорую возможность вырваться изъ нестерпимой обстановки.

Въ своихъ письмахъ Плещеевъ даетъ подробныя описанія всѣхъ тѣхъ „развлеченій“, которыя хотя немного скрашивали жизнь.

Въ письмѣ отъ 1-го декабря 1854 г. онъ пишетъ: „На-дняхъ ѣздилъ

¹⁾ Бивъ-якши—по-киргизски—очень хорошо.

я въ командировку въ фортъ № 3, куда генераль поручилъ одному офицеру доставить провіанты, и потомъ, — нѣсколько далѣе, — на рубку лѣса. Мы прожили двое сутокъ въ этомъ фортѣ... Я совершилъ свой походъ довольно весело; только на обратномъ пути мы долго были задержаны переправой, потому что стоялъ сильный вѣтеръ; тутъ мы испытали кой-какія *тревожныя* ощущенія, которыми, впрочемъ, не мѣшаетъ разнообразить монотонное существованіе наше. Безъ меня здѣсь происходила генеральная охота съ великолѣпнымъ обѣдомъ, который давалъ генераль. На охотѣ убили до 70 фазановъ. Потомъ былъ раутъ у Осоловскаго съ дамами, съ чибизгой ¹⁾, съ яблоками и ералашемъ. „Матушка“ ²⁾ *faisant les honneurs de la maison, — хозяйничала*“.

10 февраля 1855 г. Плещеевъ сообщаетъ о новомъ походѣ:

„...Мы совершили походъ, но походъ неудачный... Насъ захватилъ морозъ, какой здѣсь никогда не бываетъ, — до 28 градусовъ. Кибитокъ у насъ не было, и уже на позиціи киргизы привезли двѣ кибитки ³⁾, но *безъ кошмъ*. Судите же, каково намъ было почевать! Многіе познобили себѣ ноги. Баронъ, впрочемъ, не совсѣмъ виноватъ. Мы вышли въ теплое время и трудно было ждать такихъ морозовъ: — оттого люди не запаслись теплой обувью. Досаднѣе всего, что мы прошли даромъ. Кокандцы снюхали и ушли. А говорятъ, былъ порядочный отрядъ, при двухъ орудіяхъ. Мы, грѣшныя (*aux qui sont hors des lois*), обрадовались было: авось, думали себѣ, подеремся, гдѣ драка — тамъ и отличіе. Не тутъ-то было! Прогулялись верстъ за 60, да и вернулись назадъ съ неразряженными ружьями послѣ разныхъ горестныхъ приключеній. Въ самомъ дѣлѣ, эти двѣ-три ночи, проведенныя въ степи, хуже всего Акъ-Мечетскаго похода! Тогда мы два мѣсяца шли пригѣваючи, а теперь недѣля показала за мѣсяць. Хорошо, что на пути у насъ находился Бирубайскій постъ, гдѣ выстроены порядочная офицерская хатка и казармы для казаковъ; всѣ тамъ обогрѣлись и послѣ двухъ бессонныхъ ночей пріятно было растянуться хоть и на полу, да въ теплѣ. Баронъ былъ въ большемъ огорченіи отъ этихъ неудачъ и до сихъ поръ не спокоенъ, — какіе будутъ результаты. Мало того, что люди познобили ноги, но еще какой-то неловкій верблюдъ, поскользнувшись на льду, упалъ и разбилъ семь котловъ! Рота ходила третья, которой *командиръ Сливинскій*; кромѣ меня, находящагося въ этой

1) Особый киргизскій музыкальный инструментъ, нѣчто въ родѣ рожка или флейты.

2) Матушка, т. е. жена мѣстнаго священника.

3) Кибитка-юрта — переносное жилище номадовъ, состоящее изъ деревянныхъ рѣшетокъ для остова и войлока (кошмъ), которыми онъ обтягивается.

ротѣ,—участвовали всѣ почти подтвержденники изъ всего баталіона. Первухинъ ¹⁾ показалъ тутъ большую дѣятельность. Самъ въ халатѣ, въ чам-барахъ ²⁾ и малахаѣ скакалъ съ своимъ киргизскимъ отрядомъ; поймалъ какого-то лазутчика; заставилъ киргизовъ подарить отряду, пришедшему для ихъ защиты, нѣсколькихъ барановъ и проч. проч. проч.“

Въ письмѣ отъ 22 февраля:—„У насъ ничего новаго. Собираются, играютъ въ карты, устраиваютъ разныя *partie de plaisir за городъ*. Вчера, напримѣръ, задалъ намъ пиръ одинъ киргизскій *бій* ³⁾ Кумбай. Накормилъ и напоилъ насъ (только не виномъ) на славу. Вообще эта поѣздка въ аулъ была довольно пріятна и, главное, оригинальна. Можно бы даже въ „Уфимскихъ Вѣдомостяхъ“ статейку бы тиснуть, мѣстнаго колорита подбавить и вышло бы весьма занимательно. Вѣдь писалъ же Евреиновъ о какомъ-то калмычкомъ праздникѣ въ „Современникѣ“. Гастрономамъ бы понравился порядокъ блюдъ;—сперва подавали лакомства: кишмишъ, конфекты бухарскія и проч., потомъ пельмени, потомъ самку, потомъ чай, потомъ пловъ, потомъ кислое молоко, потомъ баранину; въ заключеніе былъ даже кофе со сливками. Впрочемъ, этимъ мы одолжены заботливости М-ше Первухиной, которая тоже была тамъ и запаслась всѣмъ нужнымъ. Нѣмка, безъ кофе ни на шагъ“.

Такими отчетами объ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ полны письма перваго года пребыванія въ Акъ-Мечети, но на второй годъ новизна впечатлѣній сгладилась, а остались одни сѣрыя будни, и письма Плещеева проникаются щемящей тоской и грустью.

21 іюня онъ писалъ:

„Въ послѣднее время,—признаюсь вамъ,—мнѣ было здѣсь сильно скучно. Начинаетъ мнѣ противѣть эта степная жизнь. Все одно и тоже—каждый Божій день. Та же мертвая природа, тѣ же разговоры о мѣстныхъ интересахъ, та же водка, тѣ же карты, тѣ же барыни, тѣ же сплетни (этихъ послѣднихъ все же меньше въ сравненіи съ другими мѣстами). И какъ подумаю, что еще, можетъ быть, долго, долго придется вести это кочевое, бродячее существованіе, вращаться въ сферѣ, для которой я не созданъ и къ которой не имѣю никакого влеченія; какъ оглянешься на свое прошлое—въ которомъ тоже почти не на чемъ отдохнуть сердцу—такъ, право, одолеваетъ тоска невыносимая, и поневолѣ скажешь съ Лермонтовымъ, что „жизнь пустая и глухая шутка“, какъ ни опошлились эти слова въ устахъ людей, страдающихъ избыткомъ здоровья и всякихъ житейскихъ

¹⁾ Завѣдывалъ киргизами послѣ Осмоловскаго.

²⁾ Кожаные шаровары.

³⁾ Бій или Бай—богатый человекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же титулъ у киргизъ дается начальникамъ родовъ и сельскимъ старшинамъ.

наслаждений! Если не книги, — можно бы умереть съ тоски. Кстати, • мѣстныхъ интересахъ. Мы ходили въ походъ, о которомъ подробную реляцію вы получите съ этой почтой. Кокандцы подступили почти къ самому Бирубайскому посту и произвели страшныя неистовства: рѣзали преданныхъ намъ киргизъ, какъ барановъ; разграбили множество ауловъ, и какъ мы не старались догнать ихъ,—не могли ничего сдѣлать. Они ушли въ безводную степь. Это насъ ужасно взбѣсило. Никогда еще такъ сильно не хотѣлось намъ побить этихъ подлецовъ. Всѣ приходили въ негодованіе при видѣ изувѣченныхъ труповъ, валявшихся по дорогѣ. Цѣль похода была благородна—защита угнѣсенныхъ, а ничто такъ не воодушевляетъ, какъ благородная цѣль. Солдатики наши хоть разсуждали по своему, но тоже показывали необыкновенное рвеніе подражаться.—Они говорили о киргизахъ такъ: „Собака то онъ собака, да все же по крайности наша“. Одинъ переходъ сдѣлали мы чрезвычайно длинный; люди сильно устали и ужъ начинали ворчать себѣ подъ носъ, но какъ только услышали, что кокандцы близко, забыли усталость, и версты двѣ или три бѣжали такъ, что не было возможности остановить ихъ. Любо было посмотреть на нихъ! Славный народъ, нечего сказать, и невольно полюбишь ихъ въ походѣ... Конфирмованные тоже опять участвовали почти всѣ. Сѣраковскій, Леоткевичъ, я,—изъ извѣстныхъ вамъ,—и еще чело- вѣкъ до 10. Всѣмъ хотѣлось дѣла, потому что на представленія ¹⁾ никто почти не надѣется. Большая часть убѣждена, что они пролежатъ въ штабѣ— да тѣмъ и кончатся. А если и пойдутъ, то половину вычеркнуть въ Петербургѣ. Но почему же, однако, не удался этотъ походъ? Настичь кокандцевъ не было возможности; казаки и 40 чело- вѣкъ пѣхоты на лоша- дяхъ скакали 70 верстъ большою рысью, и не нагнали потому, что не- пріятель ушелъ въ безводную степь. Но если бы въ фортѣ дано было знать раньше, когда еще они были на Джулекѣ (гдѣ долженъ всегда на- ходиться нашъ караулъ изъ киргизъ), то отрядъ нашъ встрѣтилъ бы ихъ и не допустилъ бы до разбойничества. У насъ нѣтъ вѣрныхъ лазутчи- ковъ, а у кокандцевъ, какъ видно, есть отличные.

... Еще неприятое событіе въ фортѣ,—это появленіе саранчи въ страшномъ количествѣ. Она уничтожила всѣ пашни, которыя заводили офицеры,—пофла и ячмень, и пшеницу. И такъ какъ всѣ брали сѣмена заимобразно въ фортѣ, то придется платить довольно много; кто посѣялъ 30, кто 40, а кто 60 пудовъ. Гдѣ тонко—тутъ и рвется. Цѣлковыхъ 50 для офицера не

¹⁾ Какъ увидимъ ниже, незадолго передъ этимъ начальникъ линій- баронъ Фитингофъ представлялъ всѣхъ конфирмованныхъ къ производ- ству въ офицеры.

мало значить. И „моя пашня“ тоже почти вся обтщена проклятымъ насѣкомымъ, отъ котораго нѣтъ никакого спасенія“...

Въ письмѣ отъ 21 февраля 1856 г. находимъ слѣдующія строки:

„Что вамъ сказать о нашемъ житѣ-бытѣ? Скука. Хоть бы скандала какой-нибудь... Хоть бы М-ше Берингъ ¹⁾ къ кому-нибудь воспылала страстью; хоть-бы баронъ женился на гувернанткѣ; все-таки бы—предметъ разговора на пѣлую недѣлю. Барыни у насъ всѣ въ интересномъ положеніи, кромѣ комендантши, которая всегда интересная, и народонаселеніе форга къ веснѣ сильно умножится. Климатъ сильно способствуетъ къ тому“.

Вотъ почти и всѣ подробности о „событіяхъ“ жизни въ фортѣ Перовскомъ за два года пребыванія тамъ Плещеева. Какъ видно, оно не блещетъ ни содержаніемъ, ни разнообразіемъ. На счастье А. Н. въ его время въ фортѣ Перовскомъ подобрался болѣе или менѣе удовлетворительный составъ офицеровъ, хотя все-таки такого рода, что объ одномъ изъ нихъ Плещеевъ выражается:—„это одинъ изъ немногихъ *читающихъ* здѣсь“. О томъ, каковъ могъ бы быть составъ офицерства, можно составить представление по слѣдующему отрывку изъ письма 22 февраля:

„Я очень, очень боюсь, чтобы не перевели отсюда лучшихъ офицеровъ. Здѣсь только и можно служить подъ условіемъ, если есть порядочный кружокъ. До сихъ поръ у насъ всѣ были такъ дружны,—не было никакихъ сплетенъ и вообще было отлично. Теперь же всѣ въ отчаяніи, что форту угрожаетъ нашествіе варваровъ, иначе называемыхъ—бурбонами. Пишутъ, что идетъ сюда пѣшій казачій баталіонъ, подъ начальствомъ Шкупа. Самъ-то Шкупъ ничего еще, но офицеровъ-то туда собрали такихъ, что страхъ подумать,—пьяницы и негодяи первой руки. Одинъ Чемезинъ—человѣкъ добрый и честный. Я съ нимъ служилъ въ Уральскѣ и въ Оренбургѣ. Онъ моимъ ротнымъ командиромъ былъ, и кромѣ хорошаго я про него ничего не могу сказать. Но за то я знаю также Обрядина, слышалъ о Невряевѣ и Путиловѣ. Отъ такихъ господъ—избави Боже“... Слухи о приходѣ этихъ „бурбоновъ“ оказались ложными, а вмѣсто нихъ въ ф. Перовскій пріѣхали оренбургскіе „*бонтоны*“, какъ называетъ ихъ Плещеевъ. Составъ гарнизона быстро мѣнялся, и, къ концу пребыванія А. Н. въ Перовскѣ, онъ жалуется на это, прибавляя, что у нихъ начались сплетни, дразги, въ которыхъ участіе принимаютъ не дамы, а офицеры. Объ одной изъ такихъ сплетенъ, именно разыгравшейся почти передъ самымъ отъѣздомъ Плещеева и чуть не повліявшей на его дальнѣйшую судьбу, мы расскажемъ ниже.

¹⁾ Жена полковника Беринга, назначеннаго въ 1855 году комендантомъ форга Перовскій; до тѣхъ поръ эту должность занималъ баталіонный командиръ, а затѣмъ былъ назначенъ особый комендантъ.

Кажется, высшее начальство само видѣло уровень офицерской среды, и сочло нужнымъ по своей инициативѣ завести библіотеку. Плещеевъ заинтересовался этимъ дѣломъ, и въ его письмахъ мы находимъ рядъ совѣтовъ по этому поводу и критическихъ наблюденій по поводу состава библіотеки. Алексѣю Николаевичу не пришлось, видимо, дожидаться присылки библіотеки, хотя журналы фортъ все же получалъ.

Самъ Плещеевъ продолжаетъ такъ же, какъ и въ Оренбургѣ, интересоваться текущей литературой, внимательно слѣдить по журналамъ за всѣмъ, что появляется на литературномъ рынкѣ, и постоянно выписываетъ для себя то Пушкина, то Гоголя, а то и другія, заинтересовавшія его, книги. Нѣтъ почти ни одного письма, въ которомъ онъ не спрашивалъ бы Дандевиль, что тотъ читаетъ.

Вотъ въ какомъ кругу и въ какой обстановкѣ приходилось жить Плещееву! Перейдемъ теперь къ его „начальству“.

Главнымъ начальникомъ былъ начальникъ Сыръ-Дарьинской линіи, генералъ-маіоръ баронъ Фитингофъ. Это былъ человѣкъ рѣзкій, взбалмошный, вздорный и мелочный, грубый съ подчиненными и низкопоклонный передъ старшими. Въ первое время прибытія Плещеева въ фортъ онъ, видимо, передъ нимъ заискивалъ, а затѣмъ, убѣдившись, что Ал. Ник. не способенъ изъ личныхъ выгодъ чернить человѣка, что вліяніе его совсѣмъ ужъ не такъ велико, какъ казалось, Фитингофъ, слушая сплетни завистниковъ, круто перемѣнилъ свое обращеніе съ подтвержденнымъ и самымъ беззащитнымъ образомъ сталъ къ нему придирается. Къ счастью, производство Плещеева въ офицеры и переводъ въ Оренбургъ ни позволили ему окончательно ступить молодого поэта. Въ своихъ письмахъ онъ даетъ яркую фигуру этого маленькаго степного божка.

Въ первыхъ письмахъ, пока Фитингофъ еще сохранялъ ироническій тонъ въ своихъ отношеніяхъ къ Плещееву, отзывы его были благосклонны. Но уже въ письмѣ отъ 10 января 1855 г. картина мѣняется.

„Ваши письма для меня были истиннымъ утѣшеніемъ,—пишетъ Плещеевъ. — Очень хочется порой узнать, что творится на бѣломъ свѣтѣ, и даже на сѣромъ—оренбургскомъ, гдѣ есть такіа культурная личность и есть хорошіе люди. Это письмо я вкладываю въ конвертъ Казаковского ¹⁾, который проситъ вашего ходатайства о переводѣ его на линію. Дѣйствительно, ему житья нѣтъ. Недавно представлялъ его Скальмовскій въ адъютанты форта. Баронъ такъ озлобился на это представленіе, что Казаковского услалъ сейчасъ въ Кармакчи ²⁾ (это, кажется, у него ссыльное

¹⁾ Одинъ изъ офицеровъ 4-го баталіона.

²⁾ Одинъ изъ фортвъ линіи, гдѣ стояла часть 4-го баталіона.

мѣсто), а недавно выдержалъ его на гауптвахтѣ *недѣлю* за самую ничтожную вещь.—Баронъ неистовствуетъ въ высшей степени. Съ отъѣзда Барыкова онъ сдѣлался хуже. Сначала, какъ его произвели въ генералы, казалось, смягчился было, но теперь опять—за старое. И безъ того здѣсь не весело, а онъ еще запрещаетъ всякія сходы; сажаетъ подь арестъ, если верхомъ пойдутъ вмѣстѣ три-четыре человѣка. Рѣшительно наводитъ на всѣхъ смертельную хандру. Самыя невинныя и единственно возможныя здѣсь удовольствія воспрещаются имъ“.

Капризный и вздорный характеръ Фитингофа очерченъ въ этихъ строкахъ. Онъ чувствовалъ себя полнымъ и неограниченнымъ вершителемъ судьбы тѣхъ, которые попадали подь его власть, и дѣлалъ съ ними все, что хотѣлъ. Если начальникъ линіи могъ такъ обращаться съ офицерами, что могли ожидать отъ него подтвержденные рядовые! Видимо, офицеры форта, лучше знавшіе своего начальника, чѣмъ недавно прибывшій А. Н., не выдержали, наконецъ, гнета и прибѣгли къ тому исходу, который и въ настоящее-то время могъ счестся чуть ли не за бунтъ, а тогда,—во время суроваго Николаевского режима, — могъ повлечь для нихъ весьма тяжелыя послѣдствія. Сознавалъ это и Плещеевъ, когда въ запискѣ отъ 11 января писалъ: „Я уже готовъ былъ отправить къ вамъ письмо, какъ узналъ весьма важную вещь, которой никакъ нельзя было ждать, и, Богъ знаетъ, какія она будетъ имѣть послѣдствія. Все здѣшнее общество офицеровъ, выведенное изъ терпѣнія дурнымъ обращеніемъ барона и напрасными притѣсненіями его, написало общее письмо къ Вас. Алек. (Перовскому), въ которомъ просить его защиты не какъ начальника, но какъ отца. Я никакъ не думалъ, чтобы у нихъ было такое единодушіе и такая рѣшимость. Все это держалось въ тайнѣ до самаго дня отхода почты, но какъ я живу съ Сливинскимъ и Котурьенко, то и узналъ это нынче. Боюсь я за нихъ. Хотя письмо самое показное, но можетъ, если не разсердить, то огорчить Вас. Алек. Баронъ, дѣйствительно, на дняхъ показалъ себя очень дурно въ одной исторіи. Но, однако же, никто ему не отвѣтилъ ни слова и вообще офицеры старались, чтобы этой жалобѣ не было придано официального вида, ибо тогда это можно бы счестъ за бунтъ. Это скорѣй—самая убѣдительная просьба людей, упавшихъ духомъ. Тѣмъ не менѣе, все-таки неизвѣстно, какъ приметъ это В. А., который и великодушень, и строгъ въ то же время. Но думаю, что и барону не дадутъ потячки. Все это очень грустно. Ce sont de braves jeunes gens, qui adorent V. A. et ce sera bien triste si on les desperse. У васъ доброе, благородное сердце, Викторъ Деидеріевичъ, васъ любитъ Вас. Алек., — защитите ихъ, если онъ будетъ недоволенъ. Здѣсь есть еще люди, которыхъ вы знаете по штурму и которые надѣются на вашу го-

товность дѣлать добро. Въ самомъ дѣлѣ,—не совсѣмъ-то ладно, что люди, идущіе съ опасностью жизни на штурмъ этой крѣпости, должны терпѣть такое обращеніе... Любопытно, чѣмъ развяжется эта драма. Еще разъ adieu. Que le bon Dieu veuille sur vous et sur votre famille, mon excellent Vicg. Dez“.

Жалоба офицеровъ, поданная генералъ-губернатору совершенно незаконнымъ путемъ,—какъ это ни странно,—никакихъ послѣдствій ни для жалобщиковъ, ни для барона не имѣла, но совершенно неожиданно... сильно отразилась на самомъ Плещеевѣ, и отразилась, какъ увидимъ, чуть ли не черезъ годъ.

Когда въ маѣ 1855 г. Фитингофъ уѣхалъ въ отпускъ въ Оренбургъ, то гарнизонъ почти былъ увѣренъ въ томъ, что баронъ къ нимъ не вернется, но онъ вернулся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и А. Н. первому пришлось расквашиваться въ своей снисходительности. Но раньше возвращенія Фитингофа, въ фортъ Черовскій пріѣхалъ Біарно, съ которымъ Плещеевъ былъ тоже довольно близокъ, а за тѣмъ—новый комендантъ Берингъ.

Въ письмѣ отъ 21 іюня Плещеевъ пишетъ:—„На-дняхъ долженъ прійти Біарно со свитой. Отъ этой свиты я не жду большого развлеченія и удовольствія. Кутлеръ мнѣ не совсѣмъ по душѣ, съ Кирѣвскимъ я не знакомъ. Жаль, что Симоновъ не сюда ѣдетъ. Это славный, простой человѣкъ“.

А черезъ мѣсяць онъ уже сообщалъ:

„Я въ настоящее время состою при генералѣ Біарно,—или лучше—при Кирѣвскомъ, которому онъ велѣлъ меня взять для письменныхъ дѣлъ. Дѣла эти состоятъ въ переписываніи разныхъ бумагъ; но какъ у меня почеркъ не слишкомъ красивый, то едва ли я принесу много пользы. Сочинительство же возложено на самого начальника походной канцеляріи Г. Кирѣвскаго. Со стороны Біарно весьма любезно было обратить на меня вниманіе—и я ему премного благодаренъ. Хотя и фронтальная служба меня не тяготила, потому что я ходилъ за офицера въ караулъ, но онъ, вѣроятно, хотѣлъ еще болѣе облегчить меня. Старикъ этотъ пришелся мнѣ очень по сердцу. Благородный и умный человѣкъ. Общество его чрезвычайно пріятно; и скажу болѣе—изъ него всегда извлечешь что-нибудь; онъ много видѣлъ, много читалъ и смотритъ на вещи не съ казенной точки зрѣнія, какъ большая часть нашихъ генераловъ. Во всѣхъ сужденіяхъ его виденъ образованный, стоящій въ уровенъ съ вѣкомъ. И вообще есть въ немъ что-то симпатичное. Только вражда его къ барону доходитъ до комизма. Онъ вбилъ себѣ въ голову, что всѣ боятся возвращенія барона и оттого не такъ охотно, какъ бы слѣдовало, исполняютъ его приказанія. Но entourage его мнѣ не нравится. Кирѣвскій— умный

человѣкъ, но холодный; зноить, кажется, большой. А о Кутлерѣ и говорить нечего. Все такой же надутый пустѣйшій тяжеловѣсный фатъ“.

Осенью 1855 года Плещеевъ всѣми силами началъ хлопотать о Высочайшемъ помилованіи и страшно стремился вырваться хотя бы изъ форта Перовскаго. И вотъ что онъ сообщаетъ 9 сентября 1855 г. В. Д. Дандевиль о томъ участіи, которое въ этотъ моментъ принялъ въ немъ Біарно.

„На-дняхъ призывалъ меня Біарно; разспрашивалъ меня съ большимъ участіемъ, чего я желаю. Я, конечно, отвѣчалъ ему, что увольненія и мѣста. Онъ приказалъ изложить мнѣ письменно, и я подалъ ему письмо. Онъ обѣщалъ лично говорить съ В. А., и думаю, что сдержать обѣщаніе; кажется, не такой человѣкъ, чтобы хвасталъ. Участіе его меня тронуло до слезъ; предоброе и прелюбимое сердце у этого старика. Онъ мнѣ совѣтовалъ непременно возвратиться въ Оренбургъ, чего я и желаю, ибо здоровье мое очень расклеилось. Надѣюсь, что В. А. не откажетъ, если попросить В.—Да вотъ еще что заставляеть меня желать отъѣзда отсюда. Г. Алексѣевъ, поѣхавшій съ барономъ (и извѣстный своею подлостью, какъ здѣсь, такъ и на линіи), изволилъ передать въ подробности барону всю исторію письма—и сказалъ, что его сочиняли я и Казаковскій! Какъ вамъ это покажется? Тогда какъ ничего подобнаго не было. Я узналъ о письмѣ въ самый день его отправленія; его писали всѣ, а я еще совѣтовалъ многое смягчить въ немъ. Казаковскій тоже подписался съ другими и участвовалъ въ составленіи столько же, сколько прочіе. Теперь баронъ подыметъ на меня гоненіе; да еще, пожалуй, скажетъ и В. А., что *политическій*, молъ, поджигаетъ, ваше сіятельство. C'est vraiment une indignite que ce monsieur a fait ¹⁾).

Какъ бы то ни было, ждать здѣсь, кажется, нечего. Переводъ мой можетъ состояться развѣ къ концу года. А если до этого времени не будетъ кокандцевъ, то, значить, они не придутъ. Да если бы и пришли, то мнѣ теперь на барона надежда плоха; и притомъ здоровье мое больно плохо. Грудь болитъ постоянно и сердце очень бьется“.

Такъ вотъ какимъ образомъ,—совершенно неожиданно,—разыгралась исторія съ письмомъ! Пострадалъ лишь тотъ, кто меньше всего быть въ немъ виноватъ.

Приѣхалъ изъ отпуска Фитингофъ, и вотъ пишетъ Плещеевъ 21 февраля 1856 г.: „Вы говорите, Викторъ Деизидеріевичъ, что я слѣшкомъ упалъ духомъ. Сознаюсь и самъ, но что же дѣлать. Правда, я много уже вытерпѣлъ и мнѣ бы, кажется, не привыкать стать къ

¹⁾ Тогда какъ онъ же первый поджигалъ и потомъ отказался под-
писать.

разнаго рода испытаніямъ. Но увѣряю васъ, что большіе удары судьбы сносишь, чѣмъ безпрестанныя мелкія нападки, безпрестанныя булавочныя уколы сильныхъ міра сего, которые тѣмъ только и сильны, что бьютъ лезачихъ. На-дняхъ я чуть было не отправился въ изгнаніе въ Кармакчи (ф. № 2) и за что—какъ бы вы думали? Вѣльцовъ, съ которымъ я жилъ,—подалъ барону рапортъ на Беринга, что тотъ заводитъ безпрестанные кляузы и не даетъ для работъ столько быковъ, сколько слѣдуетъ. Баронъ вообразилъ себѣ, что это я подстрекаю Вѣльцова и велѣлъ Скальмовскому передать мнѣ, чтобы я готовился ѣхать въ фортъ № 2. Какъ вамъ это нравится? Если я долженъ нести отвѣтственность за всѣ чужіе поступки, то, пожалуй, онъ захочетъ меня разжаловать, если на Беринга станутъ жаловаться купцы, что онъ имъ не платитъ? Скажеть, что я имъ счета писалъ. Но тогда ужъ я потребую, чтобъ и награжденіе за чужіе подвиги тоже шло мнѣ. Если здѣсь убьютъ тигра, такъ я буду просить себѣ законныя три золотыхъ. Это будетъ логически. Не такъ-ли?

Не знаю рѣшительно, почему баронъ говорилъ вамъ одно, а думаетъ и дѣлаетъ другое. Во всякомъ, случаѣ все это крайне не весело и поневолѣ падешь духомъ“.

Кто изъ нихъ двоихъ, Берингъ или Фитингофъ, болѣе антипатичны,—сказать, конечно, трудно.

Интересно, что оба, какъ видно изъ предыдущихъ фактовъ, не только смотрѣли, но и относились къ „политическимъ ссыльнымъ“, какъ къ смутьянамъ, только и занимающимися на службѣ „колебаніемъ основъ“. Видимо и самъ графъ Перовскій не далекъ былъ отъ такого же мнѣнія,—по крайней мѣрѣ Плещеевъ выражаетъ опасеніе, что генераль-губернаторъ можетъ повѣрить отвѣту Фитингофа, если тотъ скажеть, что „политическіе смущаютъ офицеровъ“. Относительно же Беринга въ томъ же письмѣ Плещеевъ сообщаетъ нѣсколько таки прямо курьезныхъ фактовъ:

„Въ заключеніе могу разсказать вамъ анекдотъ или даже нѣсколько анекдотовъ про Беринга, чтобъ показать вамъ, какого это *тона* люди. На дняхъ *за обѣдомъ*—при гостяхъ—комендантъ поколотилъ собственно-ручно солдата, который ему принесъ сѣдло. Комендантшу это такъ возмутило, что она произнесла: „Какъ тебѣ не стыдно, Мишенька, ты бы это могъ въ другое время сдѣлать!“ (Не правда, ли это похоже на сцену горюничаго съ куццами въ „Ревизорѣ“).

Хороша тоже теорія любви къ отечеству самого коменданта. Недавно, призвавъ одного конфирмованнаго, онъ сталъ ему читать мораль и, между прочимъ, сказалъ: что такое отечество? Это вздоръ. Гдѣ хлѣбъ даютъ—тамъ и отечество. „Вотъ я и баронъ, мы нѣмцы, а служимъ какъ русскіе!“ Но всего потѣшнѣе—это обращеніе Берингомъ батарейнаго хорунжаго.

Сябаева въ христіанскую вѣру. Тотъ явился къ нему по службѣ, а Берингъ цѣлые два или три часа толковалъ ему о чудесахъ Христа, прибавляя безпрестанно вопросъ: „Ну, сдѣлаетъ ли это вамъ Магометъ, а“? Сябаевъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы можно было насытить 5 тысячъ человекъ 5-ю хлѣбами, и иронически отвѣчалъ: больна его мудрено гулять!

Перейдемъ прямо къ послѣднему письму изъ форта Перовскаго въ Оренбургъ отъ 1 іюня. Оно является какъ бы итогомъ всего того, что вытерпѣлъ Плещеевъ за эти два года, а потому мы его и помѣщаемъ цѣликомъ. Вспомнимъ, что А. Н. былъ произведенъ въ офицеры 11 мая, но что когда писалъ это письмо, то официальнаго увѣдомленія не получалъ.

„Добрый мой Викторъ Деизидеріевичъ! Это письмо мое, вѣроятно, послѣднее изъ форта Перовскій. Но не думайте, чтобы я ѣхалъ на линію. Баронъ таки доѣхалъ меня. Онъ усылаетъ меня въ Кармакчи (въ фортъ № 2). Невзвѣстно, по какимъ причинамъ. Онъ всемъ говорить, что дѣлаетъ это для того, чтобы мнѣ скорѣе и удобнѣе было ѣхать на линію; потому что Бутаровъ и Пошлавскій ¹⁾ должны отправиться прежде смѣны и взять меня съ собой. Но я ему ни на грошъ не вѣрю. Подлостямъ и гадостямъ его *нѣсть конца*. Я знаю, убѣжденъ, что я тамъ проживу до смѣны. Здѣсь такія смлетни, такія дразги творятся, что, право, и говорить объ нихъ не хочется... Не знаю, ей-Богу, когда меня вынесетъ отсюда судьба. Положеніе мое теперь самое затруднительное; средствъ не имѣю рѣшительно никакихъ — табаку не на что купить на дорогу. Я бы могъ чрезвычайно удобно доѣхать съ Скальмовскимъ, который хотѣлъ меня взять съ собой и мнѣ бы это ничего не стоило; а между тѣмъ выслали бы мнѣ денегъ для уплаты долговъ. Но власть барона все сдѣлала иначе. Была возможность нѣсколько разъ мнѣ отправиться — и весьма спокойно, — но онъ держалъ меня; а теперь въ нѣсколько дней я долженъ собраться, да еще жить въ фортѣ 2-мъ Богъ вѣсть сколько времени. Не повѣрите, какая тоска мною овладѣваетъ. Не знаю, что и дѣлать. Мать пишетъ мнѣ съ послѣдней почтой, что министръ ей велѣлъ сказать, что я произведенъ. Но куда, я не знаю и не повѣрю этому, пока не прочту въ приказахъ. Хотѣлъ бы дожидаться почты, но баронъ торопитъ Растопчина, назначеннаго начальникомъ Кармакчей, и съ которымъ вмѣстѣ я долженъ ѣхать. Вотъ будетъ ему удовольствіе, какъ произведутъ меня въ 4-й батальонъ — тогда баронъ заставить меня прожить въ Кармакчахъ всю зиму! Ежели бы это случилось — я надѣюсь, что хоть вы за меня заступитесь, Викторъ Деизидеріевичъ. Я

¹⁾ Двое изъ конфирмованныхъ, произведенныхъ ранѣе этого въ офицеры.

тамъ пропаду съ тоски; да и климатъ тамъ такой, что всё, кто тамъ живеть — болны. Бѣдный Поплавскій тамъ почти ослѣпъ; можетъ быть, и совсѣмъ ослѣпнеть. Доктора тамъ нѣтъ — одинъ какой-нибудь пьяный фельдшеръ. Объ образѣ жизни и говорить нечего. Совершенная пустыня. Ради Бога, Викторъ Дезидеріевичъ, вытащите меня изъ этого омута, называемаго Сыръ-Дарьинской линіей. Неужели власть барона такъ сильна, что онъ безнаказанно можетъ дѣлать всё подлости, какія ему только вздумается. Вы можете подумать, что я это говорю пристрастно, какъ человѣкъ, имѣвшій личности съ барономъ. Но спросите вы Поплавскаго, когда онъ вернется, спросите Осмоловскаго, который тутъ постороннее лицо и на мнѣніе котораго можно положиться. Его всё знаютъ за человѣка добросовѣстнаго. Всё здѣсь въ одинъ голосъ говорятъ, что нѣтъ возможности служить и стараются вырваться поскорѣй изъ стени. Впрочемъ, этого можно было ожидать впередъ; когда ужъ В. А. рѣшился прислать его послѣ извѣстнаго письма, то ему нечего воздерживаться. Еще на-дняхъ онъ говорилъ: „Вотъ, думали, что я слечу—а теперь, напротивъ, они всё отсюда уѣдутъ; ни одного не останется. *Не плезать бы въ каму — пригодится жсть*“ (подлинныя слова этого великаго мужа). Ужъ это довольно характеризуетъ человѣка.

НВ. Я хочу написать графу, если меня баронъ не возвратитъ на линію.

НВ. Вотъ еще черта: въ предписаніи обо мнѣ было сказано — „отправиться въ фортъ № 2“; баронъ вычеркнулъ и написалъ: „выслать“. (?)“...

Какъ кажется, начальнику линіи не удалась его мелкая месть. Послѣ послѣдняго письма въ сохранившейся перепискѣ находимъ еще два, очень короткихъ, написанныхъ уже прапорщикомъ Плещеевымъ изъ Оренбурга въ Петербургъ, куда послѣ смерти жены уѣхалъ В. Д. Дандевилъ, занимавшій къ этому времени должность корпуснаго квартирмейстера и произведенный въ полковники. Въ этихъ двухъ Оренбургскихъ письмахъ ни слова не сказано о томъ, какъ Плещеевъ выбрался изъ форта Церовскаго. Одно изъ двухъ — или вѣсть о производствѣ въ офицеры и о переводѣ въ Оренбургъ въ 3-ій линейный баталіонъ пришла во время и А. Н. прямо отправился къ мѣсту своего служенія или если онъ и жилъ въ Кармакчахъ, то очень недолго, ибо оренбургскія письма помѣченныя: одно—июлемъ, другое—августомъ. Впрочемъ, такая подробность, конечно, не важна, а важно то, что Плещеевъ, наконецъ, сдѣлался болѣе или менѣе полноправнымъ членомъ военной семьи, пересталъ быть „ссылнымъ рядовымъ“, надъ которымъ-могъ измываться, показывать свою „неограниченную“ власть каждый, кто хотѣлъ. По счастью еще, что ближайшее начальство Плещеева, ротный и баталіонный командиръ, были люди иного рода, чѣмъ генералы форта Церовскаго и относились къ нему вполне гуманно, какъ къ человѣку, а не

какъ къ „конфирмованному“, что на языкѣ Фитингофовъ и Беринговъ чуть ли не однозначило со словомъ „клейменный“.

Полны симпатіи всѣ отзывы Плещеева о майорѣ, — а затѣмъ подполковникѣ—Скальмовскомъ, командирѣ 4-го баталіона, и о капитанѣ Сливинскомъ, командирѣ 3-й роты того же батальона.

Говоря объ обществѣ форта Перовскаго, нельзя, конечно, не остановиться на двухъ личностяхъ, — Осмоловскомъ и Первухинѣ, которые завѣдывали туземнымъ населеніемъ. Объ Осмоловскомъ Плещеевъ былъ наилучшаго мнѣнія. О Первухинѣ много находимъ въ письмѣ Плещеева отъ 21 іюня 1855 года. Это письмо даетъ такую яркую и правдивую картину нашихъ средне-азиатскихъ административныхъ нравовъ, что краски ея до сихъ поръ еще не потускиѣли; и то, что творилось 50 лѣтъ тому назадъ, — развѣ только съ небольшими измѣненіями, — творится и теперь. Вотъ это любопытное письмо:— „Вообще, Викторъ Деизеріевичъ, *entre nous soit dit* — этотъ г. Первухинъ—крайне подозрительная личность. Киргизы его ненавидятъ. Слухи про него ходятъ страшные, и если хоть десятая доля ихъ справедлива, то онъ просто достоинъ висѣлицы. Но по слухамъ вѣдь заключать трудно. Одно я положительно знаю, что Осмоловскаго ждуть киргизы какъ Бога; и я самъ не разъ слышалъ, какъ говорили старшины, что худо, очень худо будетъ, если онъ не скоро вернется. Что Первухинъ взяточникъ — это здѣсь говорить каждый; но что онъ такой человекъ, который изъ всего сумѣетъ вывернуться — это тоже очень возможно. Крючокъ большой руки. Не мое дѣло судить объ этомъ; остается только желать, чтобы истина вышла скорѣй наружу. Мнѣ кажется, что киргизы, кочующіе между Джудекомъ и нашимъ фортомъ, будутъ вполне обезпечены только тогда, когда на Джудекѣ будетъ русское укрѣпленіе. Прежде кокандцы не перестанутъ грабить. Впрочемъ, вотъ что еще замѣчательно: въ послѣдней шайкѣ, на которую мы ходили—кокандцевъ было очень мало, а все киргизы кипчакскаго рода, кочевавшіе сначала на нашей сторонѣ, а потомъ ушедшіе къ кокандцамъ (тоже вслѣдствіе притѣсеній, какъ говорятъ); они-то и привели кокандцевъ на тѣхъ, которые хотѣли откочевать вмѣстѣ съ ними, а остались у насъ. Тутъ же, по словамъ киргизъ, находился и нашъ солдатъ, недавно бѣжавшій, татаринъ. Все это очень плохо. Такимъ образомъ, скоро не безопасно будетъ нашимъ солдатамъ ходить на огороды или на пашни. Пожалуй, будутъ таскать людей или стрѣлять изъ-за кустовъ. Послѣднее приключеніе, признаться, сдѣлало на всѣхъ очень непріятное впечатлѣніе. Вѣднѣй Скальмовскій очень озабоченъ. Два солдата бѣжали у него изъ баталіона и, какъ слышно, оба уже переданы кокандцамъ. При Осмоловскомъ розыски дѣлались гораздо дѣятельнѣе и успѣшнѣе, а теперь едва бѣжить—и слѣдъ простылъ. Скальмовскій тутъ

ничѣмъ не виновать. Люди здѣсь всё разбросаны по работамъ: кто на кирпичачь, кто маты дѣлаеть, и усмотрѣть за ними нѣтъ возможности. При томъ же, послѣдніе два солдата—татары, которые всегда ненадежны. Что можетъ сдѣлать баталіонный командиръ? Каждый здѣсь видитъ, что обращается онъ съ людьми хорошо, хотя и не даетъ потачки негодяямъ. Очень жаль Скальмовскаго. Ему можетъ за это достаться; а кто поручится, что опять не случится то же самое?“

Невольное вниманіе обращаетъ на себя совершенное отсутствіе упоминаній о своихъ собратьяхъ конфирмованныхъ, которыхъ въ форть все же было болѣе десяти человекъ. Нѣсколько разъ упоминается имъ фамилія Сѣраковскаго, о которомъ въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ въ шутивомъ тонѣ: „Сѣраковскій паритъ попрежнему. Хочетъ переѣхать жить на какую-то планету,—кажется на Сиріусъ. Ищетъ попутчиковъ“.

Да, прося за нѣкоего Лопатицкаго, пишетъ въ другомъ письмѣ: „Этотъ господинъ служитъ 13 лѣтъ (только), имѣетъ нашивку и что еще хуже—жену. Онъ женился въ Троицкѣ на дочери какого-то полковника и передъ назначеніемъ въ степь еще имѣлъ неосторожность сработать сына. Посудите же, каково положеніе этого старика, не имѣющаго никакихъ средствъ къ существованію, если бы пріѣхала сюда его жена, а жизнь съ ней розно,—тоже ему не хочется. Пора бы его, бѣднягу, куда нибудь на покой... Право, „человѣкъ вовсе не опасный для правительства, притомъ онъ съ одностороннимъ взглядомъ на вещи,—ибо кривой“, слѣдовательно, и строю особенной красоты придать не можетъ. Нелѣпо жениться, будучи солдатомъ и не имѣя средствъ, но если разсудить по-человѣчески, то, пожалуй, и извинительно... Съ лѣтами и опытомъ такъ сильно развивается въ человѣкѣ потребность домашняго счастья,—тихаго и прочнаго,—потребность имѣть свой собственный очагъ. Грустно всю жизнь грѣться только у чужихъ очаговъ!“

Затѣмъ нѣсколько разъ мимоходомъ упоминаетъ фамиліи еще двухъ, трехъ ссыльныхъ, да въ письмѣ отъ 10 октября 1855 г., жалуясь на то, что представленіе конфирмованныхъ залежалось въ штабѣ, пишетъ: „Маменька писала мнѣ, что одинъ изъ нашего дѣла—Кашкинъ—на Кавказѣ произведенъ въ офицеры безъ всякихъ особенныхъ отличій, просто по представленію начальства. Нѣтъ! Видно, тамъ больше симпатіи къ нашему брату, воля ваша! А наши представленія все лежатъ еще въ дивизіи, потому что Глухову¹⁾ не угодно подписать ихъ. Или лучше сказать Виглову²⁾, а не Глухову“.

---

1) Глуховъ—начальникъ дивизіи.

2) Вигловъ—начальникъ штаба дивизіи.

Вот и все, что мы находимъ въ перепискѣ по поводу бывшихъ „товарищей по дѣлу“ и подтвержденныхъ, находящихся въ одинаковомъ положеніи съ Плещеевымъ.

III.

Душевное состояніе Плещеева въ фортѣ Перовскомъ.

Доносы, сплетни, постоянное чувство зависимости отъ расположенія духа „Его Превосходительства“; ежеминутная боязнь, благодаря всему этому, попасть неожиданно-негаданно въ немилость; неизвѣстность, — полная, абсолютная, — относительно того, что ждетъ впереди; отсутствіе какой-бы то ни было возможности выйти изъ невыносимаго положенія; сознаніе, что необходимо не только служить, но и прислуживаться, лишь бы видѣть какой-либо просвѣтъ въ будущемъ, — вотъ та нравственная атмосфера, въ которой пришлось существовать Плещееву въ продолженіе двухъ лѣтъ въ фортѣ Перовскомъ.

Картину постепеннаго нарастанія тоски и нетерпѣнія въ душѣ Плещеева отчетливо рисуютъ тѣ страницы его писемъ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ душевномъ состояніи. Эти отрывки говорятъ сами за себя, и мы приводимъ ихъ безъ всякихъ комментариевъ.

Въ отвѣтъ на поздравленіе Дандевиль съ новымъ годомъ, Плещеевъ пишетъ 10 февраля 1855 года:

„Вы поздравляете меня съ новымъ счастьемъ. Нѣтъ, Викторъ Деизидеріевичъ, плохо что-то вѣрится въ счастье. Недавно, заказывая себѣ новую шинель, я невольно задалъ себѣ вопросъ: — сколько еще придется мнѣ шить новыхъ шинелей? Едва-ли не столько, сколько лѣтъ прожить — говорить мнѣ какой-то тайный голосъ. Порой находитъ такая тоска, — невыносимая, мучительная, — что, кажется, бѣжалъ бы на край свѣта. Такъ мало впереди надежды и такъ мало въ прошломъ отрадныхъ точекъ, на которыхъ бы можно отдохнуть сердцемъ. А, кажется, немного я желаю... Пускай бы оставили меня жить спокойно въ какомъ-нибудь заурядъ-городишкѣ и забыли о моемъ существованіи. Вотъ все, о чемъ прошу. Авось кусокъ хлѣба добуду себѣ“.

1-го марта 1855 г. по поводу извѣстія о томъ, что Перовскій вычеркнулъ его изъ списка представленныхъ, Плещеевъ пишетъ:

„Надо признаться что, это не совсѣмъ пріятный сюрпризъ. Теперь вся надежда моя на прошеніе матери. Но и тутъ еще Господь знаетъ, какой отзывъ дастъ обо мнѣ графъ въ случаѣ запроса. Какъ видно, я не былъ не правъ, говоря, что онъ ко мнѣ не благоволитъ и повѣривъ слухамъ, о которыхъ сообщалъ вамъ. Можетъ быть, и баронъ мнѣ повредилъ. Отъ него

я ничего хорошаго не жду. Но все-таки *я убѣдительно васъ прошу*, если только вы хоть сколько-нибудь меня любите, напишите мнѣ прямо, безъ обиняковъ, и не опасаясь огорчить меня,—дѣйствительно-ли я не въ спискѣ представленныхъ?

Вѣрьте, что подобные удары я легче переношу, чѣмъ булавочныя уколы людей, меня окружающихъ. Если мнѣ нѣтъ надежды вырваться теперь изъ моего положенія, то я стану проситься въ неспособные; пускай прикомандируютъ къ какой-нибудь этапной командѣ. Здоровье мое мнѣ не позволяетъ продолжать фрунтовой службы. Вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, если увѣдомите меня. Рейтернъ вамъ, конечно, скажетъ.

Пишу къ вамъ на этотъ разъ мало, потому, во-первыхъ,—что очень не весело на душѣ, а во-вторыхъ, и новаго ничего вамъ сообщить не имѣю. Прозябаемъ попрежнему. Въ послѣднее время у насъ какъ-то стало лучше; смолкли всѣ распри; видно, публика готовится говѣть. Въ добрый часъ!

Жду нетерпѣливо весны. Степь мнѣ противна до невѣроятности. Хотѣю и солдатамъ—вернусь опять въ Оренбургъ,—все же лучше тамъ, нежели здѣсь“...

(20 апреля 1855 г.) „...Съ этой почтой баронъ представляетъ подтвержденныхъ. Въ числѣ представленныхъ и я съ Сѣраковскимъ. Не откажите намъ съ своей стороны въ участіи вашемъ. Поддержите предъ В. А. это представленіе. Теперь такія обстоятельства, что всякихъ милостей можно ждать и надѣяться. На престолъ возшелъ новый государь. Если бы только захотѣлъ Вас. Ал.,—въ Петербургѣ бы не послѣдовало отказу. Мать моя поѣхала тоже въ Петербургъ, чтобы хлопотать и просить. Но вѣдь минувъ В. А. нельзя же дѣйствовать. Стало быть, главное, чтобы пошло изъ Оренбурга. Конечно, если В. А. самъ собирается ѣхать въ Петербургъ, то всего лучше было бы ему взять съ собою представленія, что онъ и сдѣлаетъ, вѣроятно, но если онъ не поѣдетъ, то ужъ пусть бы ихъ въ Оренбургѣ не задерживали. Право, Викторъ Дезидеріевичъ, если теперь ничего не будетъ, то позволительно не имѣть никакой надежды когда-либо вырваться изъ этого положенія.

Баронъ спрашивалъ меня, чего я хочу, офицера или 14-й классъ. Я долго думалъ и, наконецъ, рѣшился на офицера. Хотѣю я не очень способенъ къ военной службѣ и лучше бы желалъ служить въ гражданской, но при моихъ обстоятельствахъ нельзя не выбрать первой. Офицерскій чинъ даетъ больше правъ, нежели 14-й классъ, не дающій даже личнаго дворянства; и какое мѣсто найдешь съ 14-мъ классомъ? Надо будетъ опять искать и кланяться. Тяжеловато оно, признаюсь, всегда для меня было, и чѣмъ больше живешь, тѣмъ меньше охоты гнуть спину. А служить необходимо, ибо можетъ жить нечѣмъ будетъ. Офицерство же обезпечиваетъ хоть сколько-ни-

будь. Съ самого производства я уже при мѣстѣ, имѣю кругъ дѣятельности мнѣ назначенный, и мнѣ только остается идти прямой и торной дорогой, лежащей предо мною; фронтовая часть не по мнѣ. Это такъ, но если меня произведутъ въ офицеры, я непременно стану служить въ степи, гдѣ двойное жалованье и спокойная служба.

И вотъ моя просьба къ вамъ—похлопочите, голубчикъ Викторъ Дезидеріевичъ, чтобы меня представили въ 4-й баталіонъ. Вѣроятно, это устроить не трудно—какъ вы думаете? Въ штабъ куда-нибудь прикомандироваться тоже нѣтъ особенной пріятности; сидѣть цѣлые дни, не разгибая спины за бумагами, весьма мало меня интересующими. Въ степи же жизнь можетъ быть дѣятельная и въ тоже время не утомительная. Да и двойное жалованье для меня имѣетъ свое значеніе. Что касается до веселостей, до удовольствій—Богъ съ ними. Мнѣ всюду весело, гдѣ у меня есть книги и гдѣ есть два, три человѣка, которыхъ я люблю и которые меня любятъ. Если вздумаетъ пріѣхать повидаться со мной мать моя, то надѣюсь, что мнѣ позволятъ на время взять отпускъ. Я провелъ здѣсь годъ незамѣтно; если находила на меня тоска и находить теперь порой—виновать тому не фортъ Черовскій, а мое положеніе и отсутствіе всякой надежды на скорое облегченіе участи. Когда же меня произведутъ, мнѣ будетъ лучше.—Вотъ другое дѣло, если бы мнѣ возвратили права съ 14-мъ классомъ, да позволили бы жить хоть въ Москвѣ! Тамъ я независимо отъ службы нашель бы средства къ существованію и могъ бы заниматься тѣмъ, къ чему чувствую склонность: уроки, литература, мало ли тамъ средствъ. Но въ Оренбургѣ, кромѣ канцеляріи, гдѣ меня дѣлаютъ помощникомъ помощника какого-нибудь господина въ родѣ Вагнера и дадутъ 50 цѣлковыхъ въ годъ, не предстоить ничего; танковать по средамъ въ клубѣ развѣ, да вѣдь за это жалованья не даютъ, къ несчастью.—Такъ вотъ вамъ моя просьба, Викторъ Дезидеріевичъ. Замолвите словцо Вас. Ал., авось и рѣшится представить меня, хоть я и недавно утеръ-офицеромъ и не проливалъ „въ нѣкоторомъ родѣ“ крови. Но вѣдь въ этомъ я не виноватъ, случая не было. В. А. можетъ быть увѣренъ, что будетъ имѣть во мнѣ офицера, если не больно способнаго, то хоть честнаго и не пьяницу. Вышіе не будутъ жаловаться, а низшіе будутъ любить, за это я поручусь“.

(11 мая 1855 г.) „...На дняхъ мы получимъ милостивый манифестъ, напечатанный въ газетѣ. Въ добавленіе къ нему (2 апрѣля „Инвалидъ“) есть два параграфа, касающіеся насъ собственно, т. е. отданныхъ въ военную службу. Вы, безъ сомнѣнія, уже читали все это. Манифестъ возбудить здѣсь много отрадныхъ надеждъ. Могутъ ли онѣ осуществиться,—знаетъ Богъ и В. А.!“

(24 мая 1855 г.). „...Пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣ-

сколько словъ, мой добрый Викторъ Деидеревичъ. Последняя почта принесла намъ мало утѣшительнаго; если я говорю намъ, то разумѣю подъ этимъ, собственно, носящихъ солдатскія шинели. Говорятъ, что манифестъ до насъ не коснется. Правда ли это? Писалъ Залѣвскій-Сиракузашъ, что будто В. А. сказалъ: имъ нечего надѣяться. А, между тѣмъ, въ приказѣ по корпусу—объ исполненіи манифеста—включены и эти два параграфа:

1) Написаннымъ въ рядовые безъ выслуги предоставить право выслуги, имѣющихъ право выслуги—произвести въ унтеръ-офицеры.

2) Унтеръ-офицеровъ, заслуживающихъ облегченія — представить въ прапорщики.

Къ кому же это относится? И исключеній тутъ никакихъ не сдѣлано для политическихъ? Сдѣлайте милость, Викторъ Деидеревичъ, если имѣете ко мнѣ хотя каплю дружбы,—скажите мнѣ искренно и прямо—могутъ ли имѣть благоприятный результатъ представленія барона? Я не измѣню тайнѣ, если только тайну нужно хранить здѣсь. Вотъ для чего мнѣ это нужно знать: мать моя пишетъ, что по совѣту многихъ своихъ знакомыхъ, она хочетъ просить государя. Если можно обойтись безъ прошенія — тѣмъ лучше; Богъ знаетъ, что еще встрѣтится въ жизни; часто же беспокоить высочайшихъ особъ не будешь. Но, если В. А. не расположенъ о насъ ходатайствовать, то случай подать прошеніе очень удобный. Мнѣ почему-то кажется, что едва ли представлять насъ.

...Я служу шестой годъ; мнѣ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ 30 лѣтъ... воля ваша, а тяжело очень, если еще придется долго тянуть лямку. Я не хлопочу о карьерѣ, для меня уже она невозможна—Богъ съ ней,—я только желалъ бы имѣть мало-мальски независимое положеніе; желалъ бы пожить спокойно, тихо, и чтобы кругъ дѣятельности моей болѣе соответствовалъ моимъ способностямъ и наклонностямъ, чѣмъ эта военная служба, къ которой я питаю самую искреннюю антипатію. Переводъ въ гражданскую я счелъ бы за благодѣяніе величайшее, если бы съ этимъ мнѣ дали и средство трудомъ поддерживать свое существованіе. Въ противномъ же случаѣ,—какъ я уже писалъ вамъ,—я предпочитаю службу въ степи. Je ferai bonne mine à mauvais jeu. Гдѣ бы судьба, однако же, не опредѣлила мнѣ продолжать свое поприще, начальники могутъ быть увѣрены, что найдутъ во мнѣ если не способнаго, то, по крайней мѣрѣ, честнаго человѣка (хотя честь и считается нынче отрицательнымъ достоинствомъ)“.

(21 іюня 1855 г.). „...Съ этой почтой снова идутъ о насъ представленія. Скальмовскій получилъ изъ дивизіи бумагу, чтобы представить достойнѣйшихъ, вѣдѣствіе манифеста. Я тоже въ числѣ этихъ *достойнѣйшихъ*. Что будетъ изъ всего этого — не знаю. Прошу васъ только,

Викторъ Дешидеріевичъ, если представится случай, замолвить обо мнѣ доброе слово. Писаль я къ Толстому, писалъ къ Барыкову, но на нихъ мало надежды. Не забудьте хоть вы меня, мой добрый.

Представляютъ меня къ 14 му классу, согласно моему желанію, но если произведутъ въ офицеры, то нечего дѣлать, — тогда ужъ остаюсь служить здѣсь. Маменька пишетъ, что В. А. собирается въ Петербургъ. Не знаю, отъ кого она слышала; кажется, это неправда. По крайней мѣрѣ изъ Оренбурга не пишутъ объ этомъ ничего?..“

(21 іюля 1855 г.). „...Не скажу, чтобы мнѣ было здѣсь трудно *служить*... Но при всемъ томъ, съ нѣкоторыхъ поръ одолеваетъ меня тоска невыносимая, въ которой я самъ не могу дать себѣ отчета. Бываютъ минуты, право, близкія къ сумасшествію. Готовъ Богъ знаетъ на что рѣшиться. И прибавьте къ этому, что я боленъ. Грудь постоянно болитъ, по временамъ сильное біеніе сердца. Кажется, жаръ дѣйствуетъ на меня дурно. Доктора хоть сейчасъ дали бы мнѣ свидѣтельство. Но какъ про-
ситься отсюда, когда я самъ просился у Василя Алексѣевича въ степь. И вдругъ теперь буду его опять беспокоить? Что онъ подумаетъ обо мнѣ. И что вы обо мнѣ подумаете. Давно ли я писалъ вамъ, что если бы меня произвели въ офицеры, то я бы хотѣлъ служить въ степи; а теперь, не дождавшись производства, прошусь на линію. Думайте, что угодно, но клянусь вамъ, что я совершенно палъ духомъ. Можетъ быть, потомъ, когда произведутъ меня, я вслѣдствіе обстоятельствъ и долженъ буду опять ѣхать въ степь, но теперь отъ пребыванія моего здѣсь я ничего не выигрываю. Точно также сталъ бы сидѣть у моря и ждать погоды на линіи, какъ здѣсь. Отличія не предвидится... Что же мнѣ дѣлать тутъ? Если-бъ я зналъ, что скоро могутъ произвести, я бы подождалъ производства... Чувствую, что и на линіи можетъ быть мнѣ гадко. Заставятъ, пожалуй, ходить на ученья, въ караулы. Если попаду во 2-й бат. къ Іоню, то еще ничего. Онъ человекъ добрый и знаетъ меня. Но попадешся къ какому-нибудь новому—будетъ плохо. Знаю, предвижу все это, и все-таки говорю, что мнѣ нужна *перемѣна мѣста*, что я разстроенъ и физически и морально. Не осуждайте меня, Викторъ Дешидеріевичъ, а пожалѣйте. Вотъ шестой годъ, какъ я въ этомъ краѣ, какъ я солдатъ; 24-хъ лѣтъ прибылъ я—теперь мнѣ 30-й. Лучшіе годы жизни прошли — Богъ знаетъ какъ... безъ толку для себя и для другихъ. Ничего путнаго я не сдѣлалъ, ни малѣйшей іоты не принесъ пользы, и ни единого часа не прожилъ счастливо. Всѣ мои дѣйствія были связаны. Столько униженій, оскорбленій всякаго рода довелось мнѣ извѣдать въ эти шесть лѣтъ. Если бы не встрѣтились мнѣ на пути два, три человекъ, о которыхъ я всегда буду вспоминать съ благодарностью, если бы ихъ участіе

по временамъ не поддерживало меня, да если бы еще не мысль о матери, то, можетъ, быть давно бы пустил я себя пулю въ лобъ. Никому не высказывать я никогда всего, что у меня на душѣ; я старался подлаживаться подъ общій тонъ, и казаться веселымъ тамъ, гдѣ веселятся другіе, но Богъ свидѣтель, что много бессонныхъ ночей проведено въ эти 6 лѣтъ, много пролито напрасныхъ, безполезныхъ слезъ! Все это оставляетъ горькій осадокъ въ глубинѣ сердца—върѣте мнѣ,—и общество *славныхъ малыхъ* едва ли можетъ удовлетворить человѣка, которому непрестанно подсказываетъ внутренній голосъ: жизнь твоя гибнетъ бесплодно, гибнетъ безъ пользы и счастья. За два мѣсяца, проведенныхъ гдѣ-нибудь въ большомъ городѣ, въ Петербургѣ, напримѣръ, посреди кипучей, разносторонней дѣятельности, гдѣ общественная жизнь, науки, искусства—все въ полномъ развитіи и блескѣ,—я отдалъ бы охотно остальную жизнь. Но сила солону ломить, говорить русскій народъ. И я склоняюсь подъ гнетъ судьбы; но не въ силахъ я переносить его безропотно! Хоть какого-нибудь разнообразія, хоть какой-нибудь жизни прошу я. Иначе не знаю, что будетъ со мной. Сознаюсь вамъ, къ стыду моему, что не разъ въ трудныя минуты я прибѣгалъ здѣсь къ кутежу; я искалъ въ немъ забвенья, и если находилъ его на нѣсколько часовъ, зато послѣ такъ отвратительно было мнѣ глядѣть на самого себя, такъ глубоко презиралъ я свое малодушіе! Здѣсь нѣтъ людей мыслящихъ, нѣтъ никого, кто бы ободрилъ, поддержалъ меня въ минуту тоски... съ кѣмъ бы могъ обмѣняться я мыслями, чувствами. Нѣтъ здѣсь и женскаго общества, которое такъ благотворно дѣйствуетъ на насъ, смягчая и уничтожая даже вовсе, дурныя инстинкты. Я чувствую, что тупѣю, грубѣю здѣсь. Сколько разъ я старался увѣрить себя, что мнѣ здѣсь хорошо; что спокойствіе замѣняетъ многое, что оно дѣлаетъ отсутствіе счастья не такъ замѣтнымъ. Напрасныя увѣренія: не подавишь своихъ стремленій, не убьешь своей природы...“

(1 сентября 1855 г.). „...У насъ самая важная и интересная новость есть скорый приходъ кокандцевъ... Услышавъ о приближеніи кокандцевъ, я сознаюсь, вамъ, призадумался надъ своей горемычной долей. Что, думаю я если судьба сыграетъ со мной такого рода комедію (вѣдь не впервые ей): въ Петербургѣ меня простятъ и уволятъ, а здѣсь всадятъ пулю въ сердце! Этого только не достааетъ, чтобы жизнь моя сдѣлалась вполне трагической бутадой. Это достойная развязка—d'une existence anortiee! Впрочемъ, толковать о такомъ вздорѣ, о такой ничтожности, какъ жизнь индивидуума; при современныхъ событіяхъ, когда люди гибнутъ массами, не смѣшно ли думать, чтобы это бѣдное человѣческое я что-нибудь значило“.

(20 марта 1856 г.) „...Я долженъ отвѣчать вамъ на два письма, мой дорогой и глубокоуважаемый Викторъ Деэидеріевичъ. Благодарю васъ отъ всего сердца, что вы меня не забываете. Вы единственный корреспондентъ мой въ настоящее время,—всѣ знакомые и друзья пишутъ ко мнѣ чрезвычайно рѣдко. Я утѣшаю себя мыслью, что письма ихъ до меня не доходятъ. Надобно же чѣмъ-нибудь утѣшаться! Такъ созданы челоуѣкъ. Не можетъ безъ утѣшеній. Последняя почта принесла у насъ многимъ радость. Челоуѣкъ пять произведены въ офицеры, т. е. всѣ тѣ, которыхъ послалъ сюда графъ, чтобы выслужиться. Что вамъ сказать о томъ, какъ я принялъ вѣсть о своемъ исключеніи изъ числа представленныхъ? Не корчу изъ себя стоика, и не буду говорить, что мнѣ было весело. Но и зависти, право, я не чувствовалъ. Никто больше меня не желаетъ добра всѣмъ угнетеннымъ судьбой; тѣмъ болѣе, что между ними были люди истинно хорошіе. А къ неудачамъ не привыкать мнѣ. На участіе корпуснаго командира я не имѣю никакого права—стало быть, и рассчитывать на него было бы глупо съ моей стороны. Къ тому же весьма вѣроятно, что баронъ въ бытность свою въ Оренбургѣ мнѣ нагадилъ. Мнѣ было досадно и больно одно, что прежде чѣмъ Славинскій не пріѣхалъ въ Оренбургъ, никто мнѣ не хотѣлъ написать, что я не представленъ. Видно боялись, чтобы я не сталъ докучать просьбами графу о себѣ или считали меня чрезчуръ малодушнымъ и думали, что я, чего добраго, лобъ себѣ объ стѣну расшибу. Если-бъ меня знали полуще, то не думали бы такъ. Я всегда готовъ просить за другихъ, но за себя крайне не люблю, а что касается до покорности своей участи, то ужъ если просидѣвъ девять мѣсяцевъ въ казематѣ и ожидая съ часу на часъ петли или Сибири,—если простоявъ передъ самой многочисленной публикой въ рубашкѣ и колпакѣ осужденнаго на разстрѣляніе, я не впалъ въ совершенное отчаяніе и уныніе, то и отказъ въ производствѣ меня не могъ сокрушить. Я какъ-то писалъ вамъ и теперь повторяю, что я довольно твердо переносу большіе удары судьбы, но щелчки по носу или булавочные уколы—раздражаютъ, волнуютъ меня, поднимаютъ во мнѣ желчь. Телячьей кротости нѣтъ у меня и нѣтъ добродѣтели щенка, который лижетъ руку, только что отлупившую его плетью. Да! Гораздо хуже заставлятъ надѣяться и потомъ уже сказать, что надѣяться было нечего. Не лучше ли было сказать это сначала? Всего болѣе меня бѣсятъ ежедневныя соболѣзнованія и пощелкиванія языкомъ такихъ господъ, которые вѣрно бы не порадовались, если бы меня и произвели... Я бы могъ этого избѣгнуть, если-бы зналъ заранѣе, что меня не представили, и говорилъ бы всѣмъ, что не жду ничего. Изъ всѣхъ щелчковъ едва ли не самыя худшіе тѣ, которые получаютъ наше самолюбіе. Теперь у меня единственная надежда на про-

шеніе, поданное матерью еще въ декабрѣ. Если на него послѣдуетъ отказъ, то я рѣшительно иду въ *неспособныя*. Пускай мнѣ по болѣзни дадутъ отставку съ билетомъ нижняго чина. Если же меня произведутъ по прошенію матери, то я буду еще болѣе радъ, чѣмъ если бы меня произвели теперь; потому, что тогда я не буду обязанъ тѣмъ, которымъ обязаннымъ быть тяжело... Несчастіе другихъ не должно, конечно, никогда служить для насъ утѣшеніемъ, но все таки менѣе ропщешь на свое положеніе, когда видишь, что люди, имѣющіе болѣе тебя права на облегченіе участи—напрасно ждутъ его долгіе годы. Видно правъ тотъ, кто сказалъ, что нѣтъ такого положенія на свѣтѣ, хуже котораго не нашлось бы еще. У меня передъ глазами два примѣра: Лопатецкій, прослужившій *только* 16 лѣтъ, и Вржозовскій, котораго ни за штурмъ Акъ-Мечети, ни теперь не произвели въ унтеръ-офицеры. Оба они дѣйствительно убиты, и не мудрено. Если теперь не сдѣлано для нихъ ничего (тогда какъ сдѣлано для людей, прослужившихъ гораздо менѣе, и которыхъ права даже не утверждены герольдіей), то когда же и ждать ихъ? Развѣ новаго манифеста. Но манифесты не такое обыкновенное дѣло. Лопатецкій—старикъ, семейный человекъ. Его разлучили съ семействомъ и послали *въ видѣ* награды въ форть Перовскій. Теперь въ видѣ награды, конечно, соединять съ семействомъ. Но довольно обо всемъ этомъ“.

(31 марта 1856 г.). „Благодарю васъ отъ всего сердца, мой добрый Викторъ Дешидеріевичъ, за то, что вы не полѣнились обрадовать меня съ экстрой. Хотя маменька писала мнѣ, но я все еще не вѣрилъ, что графъ меня представилъ. Если-же справедливо, что вслѣдствіе прошенія матери обо мнѣ есть запросъ, то не забудьте, мой дорогой, подать В. А. письмо мое, которое уже давно лежитъ у васъ“.

„...Я, кажется, раньше іюля отсюда не вырвусь. Впрочемъ, si les choses iront, comme ils vont pour le moment, je n'ai pas à me plaindre. On me laisse tranquille et puis le printemps et l'esperance de devenir bientôt libretout cela me sautient,—me bonnes des forces morales“.....

„P. S.—А знаете что, я лучше бы желалъ, чтобы дали мнѣ 14-ый классъ или прапорщика, а не права. Господь съ ними. Я не забочусь о потомствѣ“...

(*Безъ помѣты*). „Съ этой почтой пришло предписаніе отъ В. А. освидѣтельствовать меня, точно-ли я не могу продолжать военной службы. Значитъ, есть надежда вырваться скоро. Только на мою бѣду баронъ уѣхалъ въ Хадженіасъ и велѣлъ прислать ему туда для поднеси предписаніе коменданту освидѣтельствовать меня. Стало быть, самое свидѣтельство отправится развѣ 1-го мая. Нечего дѣлать. Ждалъ шесть лѣтъ—два мѣсяца подожду“.

(21 апрѣля 1856 г.). „Вы что-то замолчали опять. Пишите, мой добрый. Да скажите, отдали-ли вы письмо мое В. А.? и что онъ сказалъ? Свидѣтельство о моемъ нездоровьи пойдетъ отсюда не раньше 1 мая. У начальника линіи такъ много дѣлъ всякаго рода, что о добрыхъ дѣлахъ некогда и думать.

Прощайте, голубчикъ мой, Викторъ Дешидеріевичъ... На-дняхъ уѣхали отсюда *Страковскій и Люткевичъ*. Послѣднему я далъ къ вамъ рекомендательное письмо. Это славный парень. Надѣюсь, что вы приласкаете его“...

Любопытно отмѣтить рѣшительное отсутствіе въ письмахъ Плещеева разсужденій на какія-либо политическія темы. А вѣдь въ то время Россія переживала грандіозную оборону Севастополя и необыкновенный подъемъ общественнаго настроенія. Одно стихотвореніе,—самое безобидное по темѣ,— „Послѣ чтенія газетъ“, двѣ-три строки вообще о войнѣ, да слѣдующій коротенькій отрывокъ,—вотъ и все, что Плещеевъ говорилъ о такомъ великомъ событіи. Въ одномъ изъ писемъ мы находимъ такую фразу: „И. О. Вларамбергъ прислалъ барону карту Крыма, на которой нѣтъ ничего, кромѣ точекъ: одна изображаетъ Севастополь, другая—Балаклаву, третья—имѣніе Елены Павловны“.—Вотъ и все, что мы находимъ въ письмахъ „политическаго“. Плещеевъ интересуется всѣми новостями литературы, слѣдитъ за нею, любитъ поговорить по этому поводу, обмѣняться мыслями; занять тѣмъ, что ему близко,—мѣстными интересами; переживаетъ громадную душевную драму,—пишетъ о ней; болѣзненно интересуется своей личной будущностью, но совершенно индифферентенъ ко всякимъ вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Какъ живетъ Россія, что волнуетъ общество,—его это вовсе не касается.

А. Н. былъ слишкомъ друженъ съ В. Д. Дандевилъ, слишкомъ говорилъ съ нимъ откровенно, чтобы въ письмахъ не проскользнулъ бы хоть намекъ какой-нибудь на то, что, какъ казалось, должно было интересоваться его больше всего...

М. Д.